

Мечь носит Prada

Автор:

[Лорен Вайсбергер](#)

Мечь носит Prada

Лорен Вайсбергер

Дьявол носит «Прада» #2

Все готово для самой пышной свадьбы сезона.

Шикарное платье? Доставлено.

Модный фотограф? На месте.

Мужчина мечты? Ждет у алтаря.

Энди Сакс, редактор преуспевающего глянцевого журнала, выходит замуж. Долгие годы она старалась держаться как можно дальше от своего бывшего босса Миранды Пристли, но от нее не так легко скрыться... Дьявол, предпочитающий марку «Prada», возвращается!

Лорен Вайсбергер

Мечь носит Prada

© Lauren Weisberger, 2013

© Перевод. О.А. Мышакова, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Р. и С., с любовью

Глава 1

Пока она будет жива...

Косой дождь лил сплошной пеленой, холодный и безжалостный. Ветер бросал его во всех направлениях, делая зонт, дождевик и резиновые сапоги почти бесполезными. Впрочем, можно сказать, что у Энди и не было зонта и плаща с сапогами. Двухсотдолларовый зонтик «Берберри» никак не желал открываться и в конце концов сломался, когда Энди решила проявить настойчивость; короткий кроличий жакет с огромным воротником, но без капюшона, эффектно подчеркивал талию, однако не спасал от пронизывающего холода, а новенькие замшевые лодочки «Прада» на платформе хотя и радовали хозяйку оттенками мака и фуксии, но оставляли подъем стопы совсем открытым. Не помогали и леггинсы – на таком ветру кожа согревала не лучше шелковых чулок. Пятнадцать дюймов мокрого снега, покрывавшего улицы Нью-Йорка, уже расплзались в безобразную жидкую серую слякоть, и Энди в тысячный раз пожелала жить в каком угодно городе, только не в этом!

Словно в подтверждение подобных мыслей на желтый свет пронеслось такси, оглушительно гуднув на Энди, совершившую тяжкое преступление – попытку перейти улицу. Она сдержалась и не показала таксисту средний палец – сейчас, знаете ли, у каждого при себе пистолет, – лишь стиснула зубы и мысленно осыпала хама проклятиями. Учитывая высоту каблуков, она довольно быстро прошла еще два или три квартала. Пятьдесят вторая, Пятьдесят третья, Пятьдесят четвертая... уже недалеко, и у нее есть минута-другая согреться, прежде чем бежать обратно в офис. В утешение Энди пообещала себе чашку горячего кофе и даже – впрочем, вряд ли – печенье с шоколадной крошкой, когда рядом раздался телефонный звонок.

Откуда этот трезвон? Энди огляделась, но другие прохожие не обращали внимания на звонок, который становился все громче. Бррринь! Бррринь! Этот рингтон Энди не забудет до самой смерти, хотя странно, что его до сих пор ставят на телефоны. Она не слышала его уже очень давно, но вспомнила мгновенно. Еще не достав телефон, Энди поняла, кто это звонит, и все равно испытала шок при виде двух слов на экране: Миранда Пристли.

Энди решила не отвечать. Это выше ее сил. Глубоко вздохнув, она прервала вызов и кинула телефон обратно в сумку, но буквально через секунду он зазвонил снова. У Энди заколотилось сердце, дыхание перехватило. Вдох, выдох, командовала она себе, опустив голову, чтобы защитить лицо от мокрого снега, – и вперед! Ножками, ножками! До ресторана оставалось всего два квартала – Энди уже видела его впереди: ярко освещенное теплое убежище, – когда особенно сильный порыв ветра толкнул ее в спину. Энди потеряла равновесие и угодила ногой в мокрое месиво пополам с грязью и мусором. Лужа оказалась не только ледяной, но к тому же еще и глубокой. Энди тут же провалилась в нее и застыла в позе фламинго.

Грациозно стоя на одной ноге, Энди добрых тридцать – сорок секунд размышляла, как ей поступить. Вокруг нее образовалось свободное пространство: лишь прохожие в высоких резиновых сапогах отваживались бороздить ту огромную лужу, в которую она попала. До берега – то есть до асфальта – допрыгнуть было невозможно, а никто из прохожих и не подумал протянуть руку, чтобы помочь! Энди собралась с духом для новой обжигающе-ледяной ванны и опустила в воду вторую ногу. Ледяная жижа доходила до половины голени, а это значило, что пропали не только туфли цвета фуксии, но и добрые пять дюймов кожаных леггинсов. Энди с трудом сдерживала слезы.

Туфли и леггинсы испорчены, ступни онемели от холода, чтобы выбраться на асфальт, предстояло брести до края глубокой лужи, и Энди невольно подумала: это кара за то, что она посмела не ответить на звонок Миранды Пристли.

Впрочем, времени размышлять над своими бедами у Энди не было: едва она выбралась на тротуар и оглядела загубленные туфли, как телефон зазвонил снова. Игнорировать первый звонок было огромной дерзостью – черт, да просто безрассудством! – и Энди не решилась сделать это еще раз. Со стекавшей по ногам грязной водой, дрожащая, едва не плача, Энди коснулась экрана пальцем и сказала «алло».

– Ан-дре-а? Это вы? Вас нет уже целую вечность. Я задам только один вопрос. Где. Мой. Ленч? Я не потерплю, чтобы меня заставляли столько ждать!

«Естественно, это я, – подумала Энди. – Ты же набираешь мой номер, ну кто еще ответит по этому телефону?»

– Извините, пожалуйста, Миранда, но на улице сущий ад, я бегу со всех ног, хотя...

– Жду вас в офисе немедленно. Это все! – И линия опустела, не дав Энди шанса объясниться.

Несмотря на то что ледяная вода, попавшая в туфли, просачивалась между пальцами самым противным образом и передвигаться на таких каблуках трудно даже в сухую погоду, а тротуар на глазах превращался в каток, – слякоть начинала подмерзать: Энди перешла на бег. Она пробежала целый квартал – оставалось всего ничего, – когда услышала, как кто-то ее зовет:

– Энди, Энди, подожди! Это я! Остановись!

Она бы узнала этот голос из тысячи, но как Макс здесь очутился? Он же уехал на выходные на север штата по делам! Энди остановилась и обернулась, ища его глазами.

– Сюда, Энди!

Она увидела своего жениха – густые темные волосы, пронзительные зеленые глаза, красивые мужественные черты, – верхом на огромном белом коне. Энди не особенно жаловала лошадей после того, как упала с кобылы во втором классе и раздробила запястье, но конь выглядел довольно дружелюбно. Отчего-то Энди совершенно не удивилась, что Макс разъезжает на белом жеребце по Манхэттену в снежный шквал: она ощутила такой восторг, что ей даже в голову не пришло задавать вопросы.

Макс соскочил на асфальт с легкостью опытного наездника – Энди попыталась вспомнить, не рассказывал ли жених, что когда-то играл в поло, – в три шага оказался рядом и обнял ее. Энди сразу стало так тепло и хорошо, что она невольно расслабилась и прижалась к Максиму.

– Моя бедная детка, – пробормотал он, не обращая внимания ни на лошадь, ни на глазевших зевак. – Ты же совсем замерзла!

Звонок телефона – того телефона! – раздался буквально между ними, и Энди судорожно нашарила аппарат в сумке.

– Ан-дре-а! Не знаю, какая часть слова «немедленно» вам непонятна, но...

Энди задрожала всем телом, когда пронзительный голос Миранды ввинтился ей в ухо, но не успела она среагировать, как Макс выдернул телефон из ее заледеневших пальцев, нажал на экране «завершить» и метко запустил аппарат прямо в ту лужу, где уже побывали туфли и леггинсы Энди.

– Ты с ней давно не работаешь, дорогая, – сказал он, укрывая плечи Энди большим пушистым пледом.

– Боже мой, Макс, как ты мог! Я ужасно опаздываю, я еще до ресторана не дошла, она меня убьет, если я не вернусь с ее ленчем через...

– Тс-с-с, – сказал он, приложив два пальца к губам Энди. – Теперь ты в безопасности. Ты со мной.

– Но ведь уже десять минут второго, и если она не получит...

Макс подхватил Энди за талию и, легко подняв в воздух, мягко посадил на белого коня, которого, по его словам, звали Головорез.

Онемев, Энди смотрела, как Макс снимает с нее пропитанные водой замшевые туфли и бросает их на тротуар. Из спортивной сумки, с которой Макс не расставался, он достал любимые мягкие домашние тапочки Энди – глубокие, до щиколотки, с флисовой подкладкой, – и надел их на покрасневшие, озябшие ступни невесты. Он укрыл пледом ее колени, закутал голову и шею своим кашемировым шарфом и подал стальной термос, как он объявил, с ее любимым темным горячим шоколадом. Потом одним гибким движением Макс красиво вскочил на коня и взял поводья. Не успела Энди и слова сказать, как они уже ехали рысью по Седьмой авеню, а полицейский эскорт впереди расчищал дорогу.

Ощутить такое тепло и заботу было невероятным облегчением, но Энди не могла сдержать панику от того, что задание Миранды до сих пор не выполнено. Ее уволят, это точно, а вдруг что еще похуже? Что, если Миранда придет в ярость и употребит свое безграничное влияние, чтобы Энди нигде больше не получила работы? Что, если она решит преподать секретарше урок, показав, что именно ждет ту, которая осмелилась бросить – и не однажды, а дважды! – саму Миранду Пристли?

– Я должна вернуться! – закричала Энди. Лошадь перешла в галоп, и ветер заглушал слова. – Макс, поворачивай, вези меня обратно! Я так не могу!

– Энди! Милая, ты меня слышишь? Энди!

Глаза сразу широко открылись. Сердце тяжело билось, в ушах шумела кровь.

– Все хорошо, ты в безопасности, это был только сон. Насколько я вижу, кошмарный, – негромко говорил Макс, глядя ее по щеке прохладной ладонью.

Энди резко села на кровати. В окно сочился нежный утренний свет. Не было ни снега, ни слякоти, ни белого коня. Ступни у Энди были босые, но теплые, накрытые мягким, как масло, одеялом, а лежавший рядом Макс казался удивительно сильным и надежным. Энди сделала глубокий вдох, и запах Макса – его кожи и волос – зашекотал ей ноздри.

Это был только сон.

Энди постаралась собраться с мыслями. Где они? Что происходит? И только взглянув на дверь, где висело невероятно красивое отглаженное платье от «Моник Луиллер», она вспомнила, что лежат они в люксе для новобрачных и что она невеста. Невеста! Прилив адреналина заставил ее подскочить на месте. Макс с удивлением спросил:

- Слушай, а что тебе приснилось? Надеюсь, не то, что сегодня будет?

- Ну что ты! Так, старые призраки! – Энди наклонилась поцеловать жениха. Стэнли, мальтийская болонка, тут же протиснулась между хозяевами. – Который час? Погоди, а что ты тут делаешь?

Макс лукаво улыбнулся и встал с постели. Всякий раз Энди невольно восхищалась его широкими плечами и плоским животом. Макс находился в отличной форме, однако при этом не представлял собой гору перекачанных мышц. Наоборот, его тело было гибким и подтянутым.

- Шесть утра. Я пришел пару часов назад, – сказал он, натягивая фланелевые пижамные штаны. – Соскучился.

- Лучше давай иди, пока тебя не засекали! У твоей матери настоящий пунктик, чтобы мы не видели друг друга до свадьбы.

Макс потянул Энди с кровати, заставив встать, и обнял.

- А ты ей не говори. Я не могу ждать целый день, не видя тебя!

Энди изобразила возмущение, про себя радуясь, что Макс пришел полежать с ней рядом и избавиться от кошмара.

- Ну хорошо, – театрально вздохнула она. – А сейчас незаметно вернись в свою комнату. Я выведу Стэнли на прогулку, пока все спят.

Макс прижался к ней.

- Еще совсем рано. Мы можем успеть...

Энди засмеялась.

- Иди!

Он снова поцеловал ее, на этот раз нежно, и вышел из номера.

Энди взяла Стэнли на руки и чмокнула в мокрый нос:

- Вот так-то, Стэн!

Песик возбужденно зарычал и завозился, пытаясь высвободиться: пришлось отпустить его, чтобы не исцарапал руки. На несколько блаженных минут Энди забыла свой сон, но вскоре он вспомнился вновь: такой удивительно реальный во всех своих подробностях! Энди глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, и решила рассуждать логически: у нее просто типичное предсвадебное волнение. Классический тревожный сон – и больше ничего!

Энди заказала завтрак в номер и покормила Стэнли кусочками яичницы и тоста, попутно отвечая на звонки матери, сестры, Лили и Эмили – все дружно настаивали, чтобы она начинала собираться. Затем Энди вывела Стэнли на короткую прогулку, торопясь подышать холодным октябрьским воздухом до начала суматохи. Не без смущения она натянула велюровые спортивные штаны с ярко-розовой надписью «невеста» сзади, которые получила в подарок на девичнике, хотя втайне гордилась этой надписью. Подобрав волосы под бейсболку, завязав кроссовки и застегнув флисовую куртку «Патагония», Энди вышла побродить по огромному Астор-кортс.

Чудесным образом по пути ей не встретилось ни единой души. Стэнли весело скакал на коротеньких лапках и тянул хозяйку вперед, к ровному ряду деревьев, отмечавшему границу поместья. Листья уже полыхали неистовыми осенними красками. Энди гуляла с собакой почти полчаса – все уже, наверное, ломали головы, куда она запропастилась, – и хотя воздух был свежим, холмистые уголья прекрасными, а предсвадебное волнение лихорадочным, Энди никак не могла выбросить из головы Миранду Пристли.

Отчего эта женщина по-прежнему преследует ее? Прошло уже почти десять лет с того дня, как Энди сбежала из Парижа, положив конец самоистязанию, которое называлось работой в журнале «Подиум» у Миранды Пристли. С тех пор Энди многого добилась. Фрилансерство быстро превратилось у нее в постоянный заработок – ее пригласили на должность пишущего редактора в свадебный блог «И жили они долго и счастливо». Спустя несколько лет и несколько десятков тысяч слов Энди смогла открыть собственный гляцевый журнал «Декольте» – элитное издание, которое выходит уже три года и, несмотря на мрачные прогнозы, приносит деньги. «Декольте» уже начали номинировать на премии, и к нему проявили интерес рекламодатели. Стремясь к успеху на профессиональном поприще, Энди не забыла и о личной жизни. Сегодня она выходит замуж за Макса Харрисона, сына покойного Роберта Харрисона и внука легендарного Артура Харрисона, основавшего сразу после Великой депрессии издательский холдинг «Харрисон», который со временем превратился в «Харрисон медиа холдингс», одну из наиболее престижных и прибыльных компаний в США.

Макс Харрисон долго ходил в завидных холостяках. В списке его бывших подружек числились Тинсли Мортимерс, Аманда Херстс из Нью-Йорка и немалое число их знакомых, кузин и сестер; среди тех, кто поздравит его сегодня с бракосочетанием, будут мэры и магнаты. Но это все не главное. Главное – Энди любит Макса! Он ее лучший друг. Он окружал ее заботой, развлекал, восхищался ее работой. Макс сам заговорил о свадьбе уже через несколько месяцев после знакомства. Прошло три года, и вот долгожданный день настал. Энди упрекнула себя, что впустую тратит время на беспокойство о глупом сне, и повела Стэнли обратно в номер, где уже собралась небольшая толпа женщин, которая тревожно переговаривалась и пребывала в состоянии легкой паники, очевидно, подозревая, что невеста сбежала из-под венца. Когда Энди вошла, раздался дружный вздох облегчения, и Нина, организатор свадьбы, немедленно взялась за дело.

Несколько часов пронеслись в каком-то диком вихре: душ, фен, термобигуди, тушь и плотная основа в количестве, достаточном, чтобы зашпаклевать до фарфоровой гладкости даже подростка с переизбытком гормонов. Одни делали ей педикюр, другие несли нижнее белье, третьи обсуждали цвет помады. Не успела Энди опомниться, как ее сестра Джил уже держала перед ней раскрытый наряд цвета слоновой кости, а мгновение спустя мать застегнула на нем молнию, облачив невесту в платье. Бабушка восхищенно прищелкнула языком. Лили всплакнула. Эмили торопливо курила в ванной, надеясь, что никто не заметит. Энди пыталась все запомнить, как-то осознать происходящее, и тут

вдруг ее оставили одну. До выхода невесты в парадный зал оставались считанные минуты, и все разбежались готовиться. Энди неловко сидела на краешке старинного стеганого полукресла, боясь хоть как-нибудь испортить великолепие созданного образа. Меньше чем через час она станет замужней женщиной и всю оставшуюся жизнь будет принадлежать Макс, а он – ей. В это как-то не верилось.

Телефон в номере зазвонил. Это оказалась мать Макса.

– Доброе утро, Барбара, – произнесла Энди как можно любезнее. Барбара Энн Уильямс Харрисон, дитя американской революции, была потомком не одного, а целых двух людей, подписавших конституцию США, а также многолетним резидентом каждого мало-мальски заметного благотворительного комитета на Манхэттене. От уложенных Оскаром Блэнди волос до кончиков балеток «Шанель» Барбара всегда держалась с Энди в высшей степени корректно – как и со всеми, – но в восторге от выбора сына она не была. Энди старалась не принимать это близко к сердцу, да и Макс уверял, что это она сама себе все придумала. Вначале Энди казалось, что Барбара считает ее одной из преходящих фаз развития своего сыночка. Позже Энди убедила себя, что это знакомство Барбары с Мирандой убило любую возможность установить теплые отношения с будущей свекровью. Наконец Энди поняла, что таков просто стиль Барбары – обдавать холодной вежливостью всех, включая собственную дочь. Энди не представляла, как можно называть Барбару мамой – впрочем, ей этого ни разу и не предложили.

– Здравствуй, Андреа. Я только что спохватилась, что не передала тебе кольцо. Я уже сбилась с ног, с самого утра проверяла, чтобы все было организовано как следует, и в результате опоздала на укладку и макияж. Я звоню сказать, что кольцо в комнате Макса, такой бархатный футляр, лежит в боковом кармане этой его дешевой спортивной сумки. Я не хочу, чтобы она попала на глаза обслуге. Может, тебе удастся убедить его ходить с чем-то более приличным? Видит Бог, я тысячу раз пыталась, но он положительно не...

– Спасибо, Барбара, я сейчас схожу за кольцо.

– Тебе нельзя! – Голос Барбары стал пронзительным. – Вы не должны видеть друг друга до свадьбы, это плохая примета! Отправь свою мать или Нину. Кого-нибудь. Ясно?

– Да-да, – сказала Энди и, положив трубку, вышла в коридор. Она быстро поняла, что Барбаре проще уступить и сделать то, что она хочет: споры ни к чему не вели. Именно поэтому Энди согласилась надеть фамильную драгоценность Харрисонов как «что-то старое» вместо какой-нибудь вещи, принадлежащей ее семье: Барбара настояла. Колье побывало на свадьбах у шести поколений Харрисонов – значит, у Энди с Максом тоже будет колье.

Дверь в номер Макса была приоткрыта. Войдя, Энди услышала, как шумит вода в ванной. «Классика! – подумала она. – Я готовлюсь уже пять часов, а он только что полез под душ!»

– Макс, это я! Не выходи!

– Энди? Что ты тут делаешь? – послышался голос Макса.

– Пришла взять колье твоей матери. Не выходи, ладно? Я не хочу, чтобы ты видел меня в платье.

Присев, она пошарила в наружном кармане сумки. Бархатной коробочки не было, зато пальцы нащупали сложенный листок.

Это оказалась дорогая писчая бумага кремового оттенка, довольно тяжелая, с вытисненными инициалами Барбары – темно-синей рукописной монограммой. Энди знала, что Барбара помогает «Дэмпси и Кэрроллу» держаться на плаву, закупая у них товар солидными партиями. Она десятки лет писала на этой бумаге и поздравления с днем рождения, и благодарственные письма, и приглашения на обед, и соболезнования. Барбара была старомодна, чопорна и скорее умерла бы, чем послала кому-то неотесанный имейл или – о ужас! – сообщение, поэтому ничего удивительного, что и сыну в день свадьбы Барбара написала на кремовом листке с монограммой. Энди уже хотела сложить листок, когда ее внимание привлекло собственное имя. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Энди начала читать.

Дорогой Максвелл!

Ты знаешь, что я всеми силами стараюсь не вмешиваться в твою личную жизнь, но я не могу больше молчать, коль скоро дело касается таких важных вещей. Я уже делилась с тобой моими опасениями, и всякий раз ты клятвенно обещал подумать. Сейчас, в преддверии твоего грядущего бракосочетания, мне придется высказаться открыто и недвусмысленно.

Я умоляю тебя, Максвелл, не жениться на Андреа.

Не пойми меня превратно, Андреа мила и, несомненно, однажды станет кому-то прекрасной женой. Но ты, сынок, заслуживаешь гораздо большего! Тебе нужна девушка подходящего происхождения, а не выходец из неполной семьи, где все, что она знала, – боль и развод. Твоей женой должна стать девушка, знакомая с нашими традициями, с нашим стилем жизни, которая поможет передать имя Харрисонов следующему поколению, а главное, будет любить тебя и ваших будущих детей больше собственных эгоистических карьерных устремлений. Прошу тебя серьезно задуматься: ты хочешь, чтобы твоя спутница жизни издавала журналы и ездила в командировки или чтобы она ставила интересы близких выше своих и разделяла филантропические взгляды рода Харрисонов? Разве ты не желаешь супруги, которая будет думать о семье, а не о собственных амбициях?

Повторюсь: я считаю твою неожиданную встречу с Кэтрин на Бермудах знаком свыше. О, как ты был рад увидеть ее снова! Молю тебя, не отбрасывай это чувство! Ведь ничего окончательного пока не произошло, еще не поздно. Мне очевидно, что ты всегда любил Кэтрин, и еще более очевидно, что из нее получится прекрасная спутница жизни.

Я всегда очень гордилась тобой и знаю, что твой отец смотрит на нас с небес и поддерживает тебя в принятии правильного решения.

Со всей любовью,

мама.

Энди услышала, как перестала течь вода, и, вздрогнув, уронила письмо на пол. Поднимая листок, она заметила, что у нее дрожат руки.

– Энди, ты еще тут? – спросил Макс из-за двери.

- Да, я... Подожди, я уже ухожу, - выговорила Энди.

- Ты его нашла?

Она помолчала, не зная, как ответить. Из комнаты словно откачали кислород.

- Да.

За дверью послышалось шарканье, открылся и закрылся кран над раковиной.

- Ты уже ушла? Мне надо одеваться.

Пожалуйста, не женись на Андреа! Кровь стучала в ушах Энди. О, как ты был рад снова с ней увидеться! Ворваться в ванную или выбежать в коридор? Теперь они с Максом встретятся только во время обмена кольцами на глазах у трехсот гостей, включая его мать.

В номер постучали, и дверь открылась.

- Энди? Что ты тут делаешь? - ужаснулась организатор свадьбы Нина. - Господи, ты же платье испортишь! А мне казалось, вы договорились не видеться до церемонии! Так, может, сразу и фотографии сделаем? - Ее непрерывная болтовня сводила Энди с ума. - Макс, не выходи из ванной! Твоя невеста застыла, как замороженная! Подожди, секундочку подожди! - Нина подбежала к Энди, которая пыталась одновременно встать и одернуть платье, и подала ей руку.

- Вот, - сказала она, помогая Энди подняться и разглаживая платье русалочьего силуэта. - Пойдем со мной, больше никаких фокусов с исчезновением невесты. А это что? - Она выдернула письмо из пальцев Энди.

Энди вдруг ясно услышала стук собственного сердца и на мгновение испугалась, что у нее начинается сердечный приступ. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но помешала внезапная волна тошноты.

- Ой, меня сейчас...

Как по волшебству – или благодаря богатому опыту? – у Нины в руке оказалось мусорное ведро, которое она так плотно прижала к лицу Энди, что пластмассовый край вдавился под подбородок.

– Ничего, ничего, – немного гнусаво тянула Нина (отчего-то это успокаивало). – Ты у меня не первая переволнованная невеста. Слава Богу, на платье ничего не попало! – Она промокнула Энди рот подвернувшейся под руку рубашкой Макса, и этот запах, головокружительная смесь мыла и шампуня с мятой и базиликом, запах, который Энди всегда любила, сейчас вызвал у нее новые рвотные спазмы.

В дверь снова постучали, и в номер вошел знаменитый фотограф Сен-Жермен с молоденькой хорошенькой ассистенткой.

– Мы явились снимать сборы жениха, – объявил он с приятным неопределимым акцентом. К счастью, ни он, ни его ассистентка даже не взглянули на Энди.

– Что у вас там происходит? – позвал Макс, все еще томившийся в ванной.

– Макс, ни шагу в комнату! – закричала Нина. Она повернулась к Энди, не знавшей, как дойти до своего номера. – Надо тебя быстренько умыть, поправить макияж и... О Боже, твои волосы...

– Мне нужно кольцо, – прошептала Энди.

– Что?!

– Бриллиантовое кольцо Барбары. Подожди. – Думай. Думай. Думай. Что это значит? Что от нее требуется? Энди заставила себя вернуться к злополучной сумке, но, к счастью, Нина ее опередила. Вытащив сумку из-под кровати, она проворно пошарила во всех карманах и извлекла черный бархатный футляр с гравировкой «Картье».

– Ты это искала? Пошли, пора.

Подчинившись, Энди вышла в коридор. Нина последовала за ней, предварительно разрешив фотографам выпустить Макса из ванной.

Энди не понимала, почему Барбара настолько ее ненавидит, что готова воспрепятствовать свадьбе. Оказывается, она уже и новую невесту сыночку выбрала, Кэтрин. Более подходящую и не такую эгоистичную. Ту, которая, по ее мнению, вполне сойдет. О Кэтрин Энди знала все: наследница состояния ван Герцогов и, насколько помнилось из бесчисленных давних поисков в «Гугле», даже принцесса какого-то захудалого австрийского королевского дома, училась в той же элитной частной школе в Коннектикуте, что и Макс. Кэтрин изучала европейскую историю в Амхерсте, куда ее приняли после того, как дед, австрийский аристократ, поддерживавший нацистов со времен Второй мировой, пожертвовал университету столько денег, что корпус общежития назвали в честь его покойной супруги. Макс находил Кэтрин излишне чопорной, слишком правильной и чересчур вежливой. Она, по его словам, скучна, повернута на условностях и озабочена внешними приличиями. Почему в таком случае их связь тянулась пять лет, то оживляясь, то затухая, убедительно объяснить он не смог, и Энди подозревала, что многое осталось за кадром. Похоже, она не ошиблась.

Последний раз Макс говорил с Кэтрин, когда позвонил ей рассказать о своей помолвке. Через несколько недель им с Энди доставили прекрасную хрустальную вазу «Бергдорф» с богатой резьбой и письмо с пожеланием долгой, счастливой жизни. Эмили, которая знала Кэтрин через своего Майлса, клялась, что волноваться не о чем, – эта чванливая зануда, хотя и при «нехилых бабках», Энди и в подметки не годится. Энди и не волновалась – прошлое есть у каждого. Гордится ли она Кристианом Коллинсвортом? Тянет ли ее подробно рассказать об отношениях с Алексом? Нет, конечно. Но совсем другое дело – прочесть в день свадьбы письмо будущей свекрови, в котором она умоляет сыночка жениться на бывшей подружке, с радостью встреченной на Бермудах во время мальчишника и утаенной от невесты.

Энди потеряла лоб, заставляя себя сосредоточиться. Когда Барбара написала свое ядовитое послание? Почему Макс его сохранил? Как понимать, что он виделся с Кэтрин всего шесть недель назад и ни словом не упомянул об этом, хотя до последней мелочи выложил, как они с друзьями играли в гольф, уплетали стейки и загорали? Этому должно быть объяснение. Но какое?

Глава 2

Хэмптонс: история любви (2009 год)

Энди немало гордилась, что почти никогда не ездит в Хэмптонс. Пробки, толпы, необходимость хорошо одеваться, прекрасно выглядеть и чувствовать себя своей – все это не походило на отдых, ради которого едут за город. Лучше остаться в Нью-Йорке, бродить по летним уличным ярмаркам, лежать на Овечьем лугу и кататься на велосипеде по берегу Гудзона. Энди могла пообедать в любом ресторане, не заказывая столик заранее, и осматривать незнакомые районы, пока большинство жителей уехали на отдых. Энди обожала проводить летние выходные за чтением с чашкой кофе со льдом, и ее ничуть не тянуло потусоваться, с чем Эмили категорически не желала мириться. Раз в сезон Эмили вытаскивала подругу в дом родителей мужа, чтобы Энди испытала прелесть «белых» вечеринок, игр в поло и увидела столько женщин, одетых в «Тори Берч», что хватило бы на пол-Лонг-Айленда. Всякий раз Энди клялась себе, что больше никогда сюда не приедет, и каждое лето покорно собирала сумку, бодро садилась в маршрутный автобус и притворялась, что ей страшно интересно с людьми, которых она встречала в Нью-Йорке на фэшн-вечеринках. Но тот уик-энд был особенным – именно тогда решалась ее дальнейшая профессиональная судьба.

В дверь коротко постучали, и, не дожидаясь ответа, вошла Эмили. Судя по выражению лица, она осталась недовольна видом Энди, которая сидела на роскошном стеганом одеяле с полотенцем на голове и вторым – вокруг тела и в отчаянии смотрела на ломившийся от одежды чемодан.

– Ты почему еще не одета? Гости вот-вот начнут собираться!

– Мне нечего надеть! – завопила Энди. – Я не понимаю Хэмптонс. Я здесь белая ворона. Все, что я привезла, не подходит!

– Энди... – Красновато-лиловый шелк платья Эмили перехватывал пояс из трех золотых цепочек, который не сошелся бы на бедрах у большинства женщин. Очень стройные, как у жеребенка, загорелые ноги украшали золотые босоножки а-ля гладиатор и глянцевого педикюра того же оттенка, что и платье.

Энди оглядела безупречно уложенные феном волосы подруги, мягко сияющие скулы и бледно-розовую помаду.

– Надеюсь, это пудра с блеском, а не твое естественное сияние, – язвительно заметила она. – Выглядишь не по заслугам хорошо.

– Энди, ты же знаешь, какой сегодня важный вечер! Майлсу пришлось оказать триллион услуг, чтобы все согласилось приехать, а я целый месяц потратила на флористов, официантов и собственную чертову свекровь. Ты хоть представляешь, какого труда стоило ее убедить позволить нам устроить званый ужин? Знаешь, чего эта баба от меня потребовала? Можно подумать, нам по семнадцать и мы готовим сабантуй с пивом! А тебе всего-то надо появиться, прилично при этом выглядеть и быть очаровательной. Посмотри на себя!

– Ну я же здесь! И изо всех сил стараюсь быть очаровательной. Может, сойдемся на двух из трех?

Эмили вздохнула. Энди невольно улыбнулась.

– Помоги мне! Помоги несчастной подружке, у которой беда со стилем, подобрать что-нибудь подходящее, чтобы она сносно выглядела, выпрашивая деньги у незнакомых людей! – шутливо взмолилась Энди – больше для того, чтобы подразнить Эмили. За последние семь лет она далеко продвинулась в вопросах стиля. С Эмили ей, конечно, в жизни не сравниться, но все-таки прогресс налицо.

Эмили перевернула гору одежды на кровати и сморщила нос:

– И что из этого ты собиралась надеть?

Энди извлекла из кучи темно-синее льняное платье-рубашку с поясом из витого шнура и эспадрильи на платформе. Платье было классическое, простое и элегантное. Может, немного измятое, но безусловно подходящее.

Эмили побледнела:

– Врешь!

– Посмотри, какие красивые пуговицы! Между прочим, платье вовсе не дешевое.

- Плевать я хотела на пуговицы! – крикнула Эмили, запустив платьем в угол.

- Ну, знаешь, так бросаться «Майклом Корсом»...

- Это пляжный халат от Майкла Корса, который модели накидывают поверх купальников! Небось онлайн заказывала в «Нордстроме»?

Не дождавшись ответа, Эмили в отчаянии всплеснула руками.

Энди вздохнула:

- Слушай, помоги, а? У меня большое искушение забраться обратно под одеяло и...

Эмили с ходу включила четвертую передачу, бубня себе под нос, что Энди сущее наказание, несмотря на ее, Эмили, неустанные попытки просвещать ее относительно покроя, посадки, тканей и стиля, не говоря уже об обуви, ведь туфли – это все! Энди смотрела, как Эмили роется в ворохе одежды, временами выхватывает из него что-нибудь, осматривает и презрительно фыркает. Затем вещь летела на кровать. Через пять неприятных минут Эмили, не говоря ни слова, исчезла в коридоре и вернулась с прелестным бледно-голубым макси-платьем из джерси и длинными серебряными серьгами.

- Держи. У тебя есть серебристые босоножки? В мои тебе ни за что не влезть.

- Я и в это ни за что не влезу, – сказала Энди, с опаской поглядывая на прекрасное платье.

- Влезешь. Я его нарочно купила на размер больше на случай, если растолстею. Видишь, здесь драпировка на животе. Поместишься!

Энди засмеялась. Они с Эмили дружили уже столько лет, что она давно не реагировала на подобные замечания.

- Ты чего? – не поняла Эмили.

- Ничего. Платье красивое. Спасибо.

– О’кей, тогда одевайся уже! – Как нарочно, внизу послышался звонок. – Первый гость! Я побежала. Будь очаровательной, расспрашивай мужчин о работе, а женщин – о благотворительной деятельности. И не начинай напрямую о журнале, пока кто-нибудь не спросит, это все-таки не деловой ужин.

– Как, разве мы не собираемся клянчить у них деньги?

Эмили раздраженно вздохнула.

– Да, но позже. Сначала притворимся, что мы просто тусуемся и развлекаемся. Очень важно, чтобы все увидели, какие мы умные, ответственные и креативные. Большинство – друзья Майлса по Принстону. Куча представителей хеджевых фондов, которые обожают инвестировать в медиапроекты. Энди, послушай меня – улыбайся, проявляй к ним интерес, будь, как всегда, очаровательной, надень это платье, и мы будем в шоколаде!

– Улыбаться, проявлять интерес и быть очаровательной. Поняла! – Энди стянула с головы полотенце и начала расчесывать волосы.

– Запомни, я тебя посадила между Фаруком Хамидом, чей фонд включили в число самых выгодных инвестиций этого года, и Максом Харрисоном, генеральным директором «Харрисон медиа холдингс».

– А это не у него пару месяцев назад умер отец? – Энди помнила, что похороны транслировали по телевидению, а газеты несколько дней подряд печатали статьи, некрологи и прочую дань покойному создателю величайшей медиаимперии, который накануне кризиса 2008 года принял ряд рискованных решений об инвестициях, обернувшихся грандиозными просчетами («пирамида» Мейдоффа и нефтяные месторождения в политически нестабильных странах), отправив свою компанию в финансовый штопор. Размеры ущерба не разглашались.

– Да. Теперь всем заправляет Макс и, по общему признанию, справляется очень хорошо. Единственное, что он любит больше, чем инвестировать в начинающие медиапроекты, – это инвестировать в медиапроекты, которые ведет красивая женщина.

– Эм, ты назвала меня красивой? Ты вгоняешь меня в краску!

Эмили фыркнула:

– Вообще-то я говорила о себе. Через пять минут чтобы была внизу, ты мне нужна, – добавила она, выходя из комнаты.

– Я тебя тоже очень люблю, – отозвалась Энди, ища в куче одежды свой бюстгальтер без бретелей.

За ужином царила совершенно непринужденная атмосфера, которой Энди, невольно заразившаяся нервозностью подруги, никак не ожидала. Из шатра, разбитого на заднем дворе Эвереттов, открывался прекрасный вид на океан, через поднятые боковые стенки внутрь залетал соленый бриз, а тысячи миниатюрных подвесных фонарей со свечками придавали оттенок сдержанной элегантности. В меню значились морепродукты, и за столом гостям предлагались огромные лобстеры с заранее расколотыми панцирями, креветки с лимонным маслом, мидии, припущенные в белом вине, картофель «блосс»[1 - Сорт розового канадского картофеля, отличающийся восхитительным ароматом и вкусом. – Здесь и далее примеч. пер.] с чесноком и розмарином, кукуруза в початках, посыпанная сыром котиха, корзинки теплых булочек с маслом и неиссякаемые запасы ледяного пива с лаймом, замороженного пино гриджио и самой соленой и самой вкусной «Маргариты», какую Энди когда-либо пробовала.

Объевшись яблочным пирогом и мороженым, все побрели к праздничному костру, который кто-то из приглашенных официантов устроил на краю лужайки. Настал черед сладких «шашлычков» из печенья и зефира и горячего шоколада с пастилой. Желавшие могли завернуться в легкие пледы, связанные из райски мягкого бамбуково-кашемирового волокна. Все продолжали пить и смеяться. Вскоре по кругу были пущены несколько косячков. Энди заметила, что только она и Макс Харрисон отказались затянуться. Когда он извинился и направился к дому, Энди не удержалась и пошла следом.

– Привет, – отчего-то смутившись, сказала она, догнав Макса на просторной веранде. – Я, э-э, искала туалет.

– Вы Андреа, правильно? – уточнил он, хотя до этого они три часа просидели рядом за ужином. Однако Макса втянула в разговор соседка слева – русская модель, чья-то жена, которая английского не понимала, но хихикала и очаровательно хлопала ресницами. А Энди общалась – вернее, слушала – Фарука, хваставшегося буквально всем – от новой яхты, пару месяцев назад спущенной на воду в Греции, до недавнего очерка о себе в «Уолл-стрит джорнал».

– О, зовите меня Энди.

– Хорошо! Энди. – Макс достал из кармана пачку «Мальборо лайтс» и предложил Энди. Она не курила уже много лет, однако сейчас не задумываясь согласилась.

Макс поднес зажигалку сначала к сигарете Энди, затем к своей и, когда они выдохнули длинные струи дыма, произнес:

– Прекрасный праздник. Вы проделали огромную работу.

Энди не сдержала улыбку.

– Спасибо, – сказала она, – это в основном Эмили.

– А почему вы не курите? Травку, я имею в виду? – Энди посмотрела на него. – Я обратил внимание, ведь только мы с вами... не приняли участия.

Речь шла всего лишь о косячке, но Энди польстило такое внимание к своей персоне. Она знала Макса не только как близкого приятеля Майлса по частной школе, но и потому, что его имя не сходило со страниц светской хроники и медиаблогов. На всякий случай Эмили рассказала ей о плейбойском прошлом Макса, о его привычке менять как перчатки красивых глупышек и его неспособности завязать серьезные отношения с кем-то «нормальным», хотя он светлая голова и хороший парень, за которым семья и друзья могут быть как за каменной стеной. Эмили и Майлс уверяли, что Макс так и будет гулять до сорока пяти лет, когда его властная мамаша решительно потребует внука и сама женит сыночка на сногшибательной двадцатитрехлетней красотке, которая будет смотреть ему в рот и слова поперек не скажет. Энди все это знала – она и сама почитала кое-какие материалы, подтверждавшие слова подруги, но отчего-то – она не могла внятно объяснить причины – такая оценка казалась ей

неправильной.

– Ну, тут нет никакой тайны. В колледже я пробовала, как все, но мне не понравилось. Меня сразу тянуло уйти в свою комнату, уставиться в зеркало и заняться подсчетом своих недостатков и совершенных ошибок.

Макс улыбнулся:

– Интересный эффект.

– Я считаю, жизнь и без того нелегка, чтобы еще вгонять себя в депрессию якобы веселящим наркотиком.

– Справедливо. – Макс затянулся сигаретой.

– А вы почему?

Макс с минуту молчал, будто решая, какую версию рассказать. Сильный харрисоновский подбородок обозначился резче, темные брови сдвинулись. Сейчас он был копией отца, каким старший Харрисон запомнился Энди по газетным снимкам. Макс посмотрел ей в глаза и снова улыбнулся, но на этот раз в улыбке сквозила печаль.

– У меня недавно умер отец. Писали, что от рака печени... На самом деле от цирроза. Он был хроническим алкоголиком. Большую часть жизни отец отличался невероятной деловой активностью – и к тому же каждый вечер напивался в хлам! – но в последние годы, после финансового кризиса и резкого спада в нашей индустрии, он был уже не тот. Я и сам здорово пил с самого колледжа, но лет через пять понял, что уже не могу себя контролировать, – и резко завязал. Ни алкоголя, ни наркотиков – ничего, кроме этих «раковых палочек», которые я не могу бросить...

Только тут Энди вспомнила, что Макс за ужином пил одну минеральную воду. Тогда она не придавала этому значения, но теперь, узнав правду, захотела обнять Макса.

Должно быть, она погрузилась в свои мысли, потому что Макс спросил:

- Представляете, как весело мне теперь на вечеринках?

Энди засмеялась:

- Я славлюсь привычкой уходить по-английски, чтобы улизнуть домой и полежать перед телевизором в домашних спортивных штанах. С алкоголем или без, но вы наверняка проводите время веселее, чем я.

Они непринужденно поговорили еще несколько минут, докуривая сигареты, и вместе вернулись к гостям. Весь вечер Энди ловила себя на том, что пытается привлечь внимание Макса и убедиться, что перед ней обычный плейбой. Нельзя было отрицать: Макс замечательно хорош собой. В принципе у Энди была аллергия на привлекательных плохих парней, но в Максе чувствовалось что-то искреннее и уязвимое. Ему необязательно было рассказывать об отце или признаваться в своей проблеме с алкоголем; он показался ей абсолютным реалистом, честным даже с самим собой, а эти два качества ее безумно привлекали. Но даже Эмили считала его проходимцем, а если учесть, что она вышла замуж за самого большого повесу на Манхэттене, это о многом говорило.

Когда вскоре после полуночи Макс распрощался с хозяйками целомудренным поцелуем в щеку и непринужденным «приятно было познакомиться», Энди решила - оно и к лучшему. Вокруг полно хороших парней, незачем привязываться к дураку, пусть даже он красив, обаятелен и искренен.

На следующее утро в девять часов Эмили вошла в комнату Энди, сногшибательная в миниатюрных белых шортах, блузке с росписью батик и босоножках на высоченной платформе.

- Не окажешь мне услугу? - спросила она.

Энди прикрыла лицо согнутой рукой.

- Для этого надо выбираться из кровати? Вчерашние «Маргариты» меня добились.

- Ты Макса Харрисона помнишь?

Энди открыла один глаз.

– Конечно.

– Он только что звонил. Хочет, чтобы ты, я и Майлс приехали к нему на ранний ленч обсудить деловые вопросы, связанные с «Декольте». Мне кажется, он всерьез настроен инвестировать в нас.

– Фантастика! – обрадовалась Энди, даже не зная, что нравится ей больше – новость о финансировании или приглашение на ленч.

– Да вот только мы с Майлсом и его родителями обедаем в клубе. Старики уже вернулись, теперь требуют выхода в свет. Мы через пятнадцать минут выходим. Отвертеться нельзя – поверь, я пыталась. Справишься с Максом сама?

Энди притворилась, что раздумывает.

– Ну, если ты настаиваешь.

– Отлично. Значит, решено: он заедет за тобой через час. Сказал взять с собой купальник.

– Купальник? Тогда мне еще нужно...

Эмили протянула огромную плетеную из соломки сумку от Дианы фон Фюрстенберг.

– Бикини – тебе, конечно, с высокой талией, красивое пляжное платье «Милли», шляпа с большими полями и крем от загара, степень защиты тридцать, без масла. После купания наденешь белые шорты на ремне, в которых ты вчера ходила, льняную тунику и белые спортивные тапочки. Вопросы есть?

Энди засмеялась и помахала подруге на прощание, после чего вывалила содержимое сумки на кровать. Шляпу и крем она бросила обратно, а затем взяла собственное бикини, джинсовые шорты и майку. Она не собиралась мириться с диктаторскими замашками Эмили-стилиста, а если Макс не понравится ее внешний вид, то это его проблема.

День выдался чудесный. Они катались на маленьком катере Макса, прыгали в воду, чтобы освежиться, и пировали на импровизированном пикнике холодной жареной курицей, нарезанным арбузом, печеньем с арахисовым маслом и лимонадом. Они два часа бродили по пляжу, почти не замечая полуденного солнца, и потом заснули в удобных шезлонгах у сверкающего, безлюдного бассейна Харрисонов. Когда Энди открыла глаза – по ощущениям, много часов спустя, – Макс смотрел на нее.

– Ты устриц любишь? – спросил он с лукавой улыбкой.

– Ну кто же не любит устриц?

Натянув футболки поверх купальника и плавок, они прыгнули в джип «вранглер» Макса. Ветер сразу сбил волосы Энди в качественную соленую путаницу, напомнив тем самым о давно забытой свободе, и когда они въехали на пляж в Амагансетт, обращение свершилось: Энди готова была поклясться, что Хэмптонс – лучшее место на земле, если рядом Макс, корзинка раскрывшихся устриц и чашечка растопленного масла. К черту выходные в городе: Хэмптонс – рай на земле.

– Хороши, правда? – похвалил Макс, извлекая устрицу и бросая пустую раковину в пластиковое ведерко.

– Такие свежие, что некоторые еще с песком, – подтвердила Энди с набитым ртом. Она непринужденно грызла кукурузный початок, не замечая, что капелька масла скатилась на подбородок.

– Я хочу вложить деньги в твой новый журнал, Энди, – посмотрев ей в глаза, сказал Макс.

– Правда? Вот здорово! В смысле – это прекрасно! Эмили говорила – возможно, ты заинтересуешься, но я не хотела...

– Меня восхищает твоя работа.

Энди почувствовала, что краснеет.

– Честно говоря, почти все сделала Эмили. Удивительно организованная девушка. Я даже не знаю, как составить бизнес-план, не говоря уже о...

– Нет, Эмили молодец, но я говорю о твоих статьях. Когда несколько недель назад Эмили вышла на меня с предложением, я перечитал почти все, что ты написала.

Энди уставилась на Макса, потеряв от удивления дар речи.

– Ну, свадебный блог, для которого ты пишешь, «И жили они долго и счастливо». Сознаюсь, я мало читаю о свадьбах, но, по-моему, твои интервью превосходны. Очерк о Челси Клинтон сразу после свадьбы – высший класс.

– Спасибо, – почему-то шепотом ответила Энди.

– Я прочел репортаж-расследование для журнала «Нью-Йорк», про систему буквенной оценки ресторанов, очень интересно! А статья о поездке в йоговский ашрам! Где он там, в Бразилии?

Энди кивнула.

– Самому захотелось съездить, хотя, уверяю, йога не входит в число моих любимых занятий.

– Спасибо. – Энди кашлянула, изо всех сил сдерживая улыбку. – Твои слова для меня много значат.

– Энди, я хвалю тебя не из желания польстить, а от искреннего восхищения. Эмили вкратце обрисовала мне вашу идею насчет «Декольте». По-моему, идея блестящая.

На этот раз улыбка Энди расцвела помимо воли.

– Знаешь, а ведь я сначала скептически отнеслась к идее Эмили. Кому нужен еще один свадебный журнал? Для него просто нет места на рынке. Но когда мы обсудили все подробно, то поняли, что существует ниша для свадебного

журнала а-ля «Подиум» – суперэлитного, с высококачественной полиграфией и без малейшего намека на сплетни, где можно прочесть о знаменитостях или персонажах светской хроники, о свадьбах, которые финансово недоступны большинству читателей, но все равно занимают их воображение. Журнал, который страница за страницей рассказывал бы утонченной, искушенной, стильной женщине, как спланировать собственную свадьбу, а то вокруг сплошная гипсофила, крашенные туфли и тиары – ничего, что подошло бы невесте с запросами. Я считаю, «Декольте» есть где развернуться.

Макс смотрел на нее, сжимая в руке бутылку шипучки.

– Извини, я понимаю, что грузу... Просто я всегда волнуюсь, когда начинаю говорить об этом. – Энди сделала глоток «Короны» и тут же подумала, не бессовестно ли с ее стороны пить в присутствии Макса.

– Я готов инвестировать, потому что идея реальна. Эмили очень убедительна, а ты очень красива, но я не ожидал, что ты можешь быть убедительной не хуже Эмили.

– Я сказала лишнего? – Энди прижала ладони ко лбу. – Прошу прощения. – Она могла думать только о том, что Макс назвал ее очень красивой.

– У тебя не просто хороший слог, Энди, но и практическая сметка. Давайте на неделе соберемся в городе и обсудим детали, но могу сказать тебе прямо сейчас, что «Харрисон медиа холдингс» хотел бы стать основным инвестором «Декольте».

– Я выражу наше с Эмили общее мнение, если скажу, что мы очень рады такому предложению, – ответила Энди, немедленно пожалев о своем официальном тоне.

– Вместе мы заработаем хорошие деньги, – сказал Макс, поднимая свою бутылку.

Энди звякнула своим пивом о его шипучку.

– За наше успешное деловое сотрудничество!

Макс странно посмотрел на нее, но звякнул своей бутылкой в ответ и сделал глоток.

Энди на мгновение стало неловко, но она убедила себя, что все сказала правильно. В конце концов Макс – завзятый плейбой, предпочитающий моделей и социально заметных женщин. Сейчас речь идет о бизнесе, и «деловое сотрудничество» точно отражает положение дел.

Но настроение за столом изменилось, это Энди ощутила безошибочно, поэтому она не удивилась, когда сразу после устриц Макс отвез ее к дому Майлса. Он поцеловал ее в щеку, поблагодарил за прекрасный день и не предложил увидеться снова, если не считать деловой встречи в комнате для совещаний – в присутствии Эмили и отряда харрисоновских юристов с экономистами в полном составе.

«Да и с чего бы ему меня приглашать?» – думала Энди. Только потому, что он назвал ее красивой? Или потому, что они хорошо провели день? Макс всего лишь изучал ситуацию, оценивая будущие инвестиции и попутно флиртуя. Согласно Эмили и всем онлайн-источникам вот так он всю жизнь и действует, не зная неудач. Можно поспорить на миллион, что Энди его не интересуется.

Эмили пришла в восторг, услышав, как удачно прошла встреча, а новость о совещании в четверг восприняла еще лучше. Макс заставил «Харрисон медиа холдингс» выделить аж шестизначную сумму на открытие журнала – больше, чем любая из них представляла в самых смелых мечтах, а тут еще Эмили не смогла присоединиться к спонтанно наметившемуся ленчу, которым Макс предложил отметить сделку.

– Если бы вы знали, как трудно к ней попасть на прием, вы бы ни на минуту не подумали, что это предлог, – сказала Эмили, убегая к какому-то дерматологу знаменитостей, к которой она записалась за пять месяцев. – Легче у Далай-ламы получить аудиенцию, а морщины у меня на лбу углубляются с каждой секундой.

И снова Макс и Энди остались вдвоем, и снова два часа превратились в пять, и наконец метрдотель стейкхауса вежливо попросил их уйти, чтобы подготовить столик для клиентов, заказавших места к ужину. Макс взял Энди за руку и повел домой, за тридцать кварталов, и идти вместе было необыкновенно приятно. Они

составляли красивую пару, а их взаимная симпатия вызывала улыбки прохожих. У самого дома Макс поцеловал Энди – поцелуй длился всего несколько секунд, но оказался нежным и умелым. Удовольствие смешивалось со страхом – ведь Макс не попросил большего и не предложил снова встретиться. Однако, хотя он наверняка целовал девушек где хотел и когда хотел, ее не покидала смутная уверенность, что Макс непременно скоро объявится.

Так и вышло – утром он позвонил, и вечером они снова встретились. В последующие пять дней они нехотя расставались, лишь чтобы отправиться на работу, по очереди ночевали друг у друга и выбирали развлечения. Макс отвел Энди в семейный итальянский (и чуточку мафиозный) ресторан в центре Квинса, где все звали его по имени. Когда Энди подняла бровь, он поспешил объяснить – это только потому, что, когда он был ребенком, его семья выбиралась сюда минимум раз в месяц. Энди отвела Макса в свой любимый комедийный клуб в Вест-Виллидж, где на ночном шоу они так смеялись, что забрызгали напитками весь столик. Потом они исходили половину Манхэттена, наслаждаясь летней ночью и отыскивая дорогу к дому Энди почти перед самым рассветом. Они брали напрокат велосипеда, ездили на трамвае по острову Рузвельта и нашли не менее полдюжины уличных лотков с вкуснейшей едой, пробуя все – от кустарно сделанного мороженого и нежнейших тако до свежих роллов с мясом лобстера. Они страстно занимались сексом. Часто. К воскресенью они чувствовали себя обессиленными, пресыщенными и – по крайней мере так думала Энди – очень влюбленными. Они проспали до одиннадцати, а потом заказали огромный пакет бубликов и устроили пир на ковре в гостиной Макса, выбирая между передачей о модернизации старых домов по «Эйч-джи-ти-ви» и матчем «Ю-эс оупен».

– Наверное, пора открыться Эмили, – сказал Макс, подавая Энди чашку латте, сваренного стоявшей у него профессиональной кофемашиной. – Пообещай мне, что не поверишь ни слову из того, что она скажет!

– Насчет того, что ты ужасный плейбой с проблемами в серьезных отношениях и пристрастием к молоденьким девицам? С какой стати мне все это слушать?

– Слухи о моем распутстве сильно преувеличены.

– Ну еще бы! – Энди говорила легко, но репутация Макса ее действительно задевала. Он не казался пустышкой – разве настоящий плейбой станет смотреть «Эйч-джи-ти-ви», лежа на ковре? – но, с другой стороны, прежние подружки тоже могли клюнуть на эту удочку.

– Ты моложе меня на четыре года – это хоть ничего?

Энди засмеялась.

– Ну да, то есть мне всего-то тридцатник – дитя, сущее дитя, а ты старый дед. Как раз это мне очень даже нравится.

– Хочешь, я скажу Майлсу? Я с удовольствием.

– Не нужно. Эм сегодня придет ко мне на суши и повтор «Доктора Хауса», тогда я ей и скажу.

Энди так увлеклась, пытаясь представить реакцию подруги: оскорбится ли Эмили, потому что она не сказала ей раньше, вспылит – деловая партнерша закрутила роман с инвестором! – или сгорит со стыда, ведь Макс и Майлс давние приятели, – что совершенно упустила самый очевидный вариант: Эмили уже догадалась.

– Ты что, правда знаешь? – поразилась Энди, свесив ногу в носке с дивана из секунд-хенда.

Эмили обмакнула кусочек сасими из лосося в соевый соус и отправила в рот.

– Ты что, за дуру меня держишь? Или, может быть, даже за слепую дуру? Знала, конечно!

– А когда ты... и как?

– О, ну я не знаю! Может, когда ты приехала тогда после первого дня с таким видом, словно у тебя был лучший в жизни секс. Или после деловой встречи в «Харрисон», когда вы не могли насмотреться друг на друга, – почему, ты думаешь, я на ленч не пошла? Или когда ты потом пропала на неделю, не перезванивала, не отвечала на сообщения и вообще вела себя как старшеклассница, которая прячет парня от родителей? И она еще теперь удивляется!

– Во-первых, в Хэмптонс никакого секса у нас не было, мы даже не...

Эмили подняла руку.

– Вот только давай без подробностей! Да и не обязана ты ничего объяснять. Я рада за вас, Макс прекрасный парень.

Энди осторожно посмотрела на нее.

– Ты же мне сама сто раз рассказывала, какой он бабник.

– Ну, бабник. Может, он уже остепенился. Люди меняются. Правда, к моему мужу это не относится – я тебе говорила, что нашла у него сообщение от какой-то цыпочки по имени Рэй? Ничего серьезного, но требует дальнейшего расследования. Но если Майлс не может без приключений, это не значит, что и Макс неисправим. Может, он именно тебя искал.

– Или я для него просто аромат недели.

– Время покажет. Иначе никак не выяснить, это я по опыту тебе говорю.

– Справедливо, – сказала Энди, не зная, что еще добавить.

У Майлса была точно такая же репутация, как у Макса, причем никакими особенными достоинствами не уравновешенная. Он был достаточно приветлив, безусловно, общителен, у них с Эмили было много общего – любовь к вечеринкам, роскошному отдыху и дорогой одежде. Но, несмотря на многолетнее знакомство, Энди чувствовала, что совсем не знает мужа Эмили. Подруга часто отпускала небрежные комментарии о его «тяге к приключениям», как она это называла, но всякий раз замыкалась, стоило начать расспрашивать. Насколько Энди знала, конкретного доказательства неверности не нашлось ни разу – или обошлось без огласки, – но это ничего не значило. Майлс был опытен и осторожен, обязанности телепродюсера заставляли его часто уезжать из Нью-Йорка, так что ничего не исключалось. Скорее всего он изменял. Скорее всего Эмили знала, что Майлс изменяет. Но изводила ли она себя? Сходила ли с ума от ревности и тревоги или предпочитала смотреть на шалости мужа сквозь пальцы, коль скоро он не компрометирует ее публично? Энди много раз думала об этом,

но, по негласному соглашению, это была единственная тема, которой они не касались.

Эмили покачала головой:

- Просто не верится – ты и Макс Харрисон! Ни за что бы не подумала, что вы можете быть вместе, а тут – гляньте! С ума сойти!

- Мы же не жениться собираемся, просто встречаемся, – возразила Энди, хотя уже фантазировала, каково быть замужем за Максом. Форменное безумие – они знакомы всего две недели, но на этот раз все казалось иначе, чем в прошлых романах, за исключением разве что Алекса. Энди давно ни в кого не влюблялась, а Макс был сексуальным, умным, обаятельным и – мечта! – благородного происхождения. Энди в жизни не собиралась выходить за принца, но сейчас ничего ужасного в этом не видела.

- Ладно-ладно. Наслаждайся, развлекайся и держи меня в курсе, о'кей? А если ты все же выйдешь замуж, расскажешь мне все до последней мелочи!

Ей первой Энди и позвонила, когда неделю спустя Макс пригласил ее на книжную вечеринку, устроенную его компанией в честь редактора своего журнала, Глории, опубликовавшей мемуары о том, каково быть дочерью двух знаменитых музыкантов.

- Что мне надеть? – в панике спросила Энди.

- Ну, раз ты официально назначена хозяйкой бала, лучше надеть что-то сказочное. То есть большую часть твоего «классического» гардероба отменяем на корню. Одолжить тебе что-нибудь или пробежимся по магазинам?

- Хозяйкой бала? – Голос Энди вдруг сел до шепота.

- Ну, если Макс – хозяин вечеринки, а ты его спутница!

- О Боже, я не смогу. Он сказал, там будет масса людей, потому что сейчас идет Неделя моды. Я к такому не готова.

– Ой, просто вспомнишь «Подиум». Она, наверное, тоже будет там – Миранда и Глория старые знакомые.

– Я не смогу...

* * *

В назначенный вечер Энди приехала в отель «Карлайл» на час раньше, чтобы помочь Максусу присмотреть за подготовкой праздника, и выражение его лица при виде Энди в платье Эмили от «Селин», дополненном массивной золотой бижутерией и изящными туфлями, окупило все усилия. Энди знала, что великолепно, и гордилась собой.

Макс обнял ее и прошептал на ухо, как чудесно она выглядит. На вечеринке он представлял ее коллегам, подчиненным, редакторам, журналистам, фотографам, рекламщикам и руководителям пиар-отдела как свою девушку, и Энди чувствовала себя на седьмом небе от радости. Она непринужденно болтала с сотрудниками холдинга, всячески стараясь им понравиться, и должна была признать, что получала при этом большое удовольствие – пока не приехала мать Макса. Словно акула, кружащая вокруг жертвы, она добралась до Энди, и та немного занервничала.

– Я просто обязана познакомиться с девушкой, о которой без конца говорит Макс, – заявила миссис Харрисон со скрипучим акцентом, не совсем британским, скорее многолетним «парк-авенюшным». – Вы, стало быть, Андреа?

Энди поискала глазами Макса, который ни словом не обмолвился, что на вечере будет его мамаша, и снова повернулась к этой очень высокой даме в твидовом костюме от «Шанель».

– Миссис Харрисон? Как приятно с вами познакомиться, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

В ответ не последовало никаких «пожалуйста, зовите меня Барбара», или «как прелестно вы выглядите», или даже «я тоже рада знакомству». Мать Макса откровенно разглядывала Энди и в конце концов изрекла:

– А вы более худая, чем я думала.

«Это как, согласно описанию Макса или по данным собственной разведки миссис Харрисон?» – подумала Энди.

Она кашлянула. Ей захотелось убежать и спрятаться, но Барбара продолжала:

– Боже мой, помню себя в вашем возрасте, когда лишние граммы просто не откладываются. Вот бы у моей Элизабет так было – вы еще не знакомы с сестрой Макса? Она должна скоро приехать. Девушка вся в отца – мощная, как медведь. Не то чтобы грузная, но недостаточно женственная.

Как же можно говорить такое о собственной дочери? Энди сразу стало жаль сестру Макса. Она посмотрела Барбаре Харрисон прямо в глаза.

– Я с ней еще не знакома, но я видела фотографию Элизабет и должна сказать, она просто красавица.

– М-м, – недоверчиво хмыкнула Барбара. Сухие, слегка пергаментные пальцы сомкнулись на обнаженном запястье Энди крепче, чем требовалось, и Барбара с силой потянула девушку за собой. – Давайте присядем и поближе познакомимся.

Энди старалась произвести на Барбару самое лучшее впечатление, чтобы та убедилась – перед ней достойная партия Максу. Пусть миссис Харрисон сморщила нос, когда Энди описывала свою работу в «Декольте», и уронила пренебрежительное замечание о родном городке Энди, которому не повезло находиться в округе Личфилд, где Харрисоны держали старый конный завод, но Энди не оскорбилась и не оборвала разговор. Она с интересом задавала подобающие вопросы, рассказала забавный анекдот о Максе и историю их знакомства в Хэмптонс – это Барбаре вроде бы понравилось. Наконец от отчаяния Энди упомянула свою работу у Миранды Пристли. Миссис Харрисон сразу оживилась и вцепилась в Энди с расспросами. Понравилось ли ей работать в «Подииуме»? Стала ли работа у мисс Пристли самой лучшей школой, о которой Энди могла мечтать? Барбара особо подчеркнула, что все девушки, с которыми рос Макс, убили бы за возможность попасть в «Подииум»; они считали Миранду своим кумиром и мечтали оказаться на страницах журнала. Если «скромный проект» Энди провалится, планирует ли она вернуться в «Подииум»? Барбара не скрывала своего любопытства, и Энди, едва сдерживая улыбку, с энтузиазмом

кивала.

– По-моему, ты ей очень понравилась, – сказал Макс, когда они с Энди сидели в круглосуточном кафе в Верхнем Ист-Сайде, медленно отходя от нервного напряжения.

– Не знаю, мне так не показалось, – отозвалась Энди, отпив шоколадный коктейль.

– Нет-нет, ты всем понравилась. Мой финансовый директор специально подходил сказать, какая ты веселая. Наверное, ты говорила с ним о нью-хэмпширском Ганновере?

– Дежурный анекдот для выпускников Дармута.

– А обслуга в зале улыбалась от того, как любезно и мило ты с ними держалась. Мало кто на подобных мероприятиях находит время поговорить с персоналом. Спасибо тебе за это. – Макс предложил Энди ломтик жареной картошки в кетчупе и, когда она отказалась, сунул его себе в рот.

– Все были так доброжелательны. Мне очень понравилось с ними общаться, – отозвалась Энди, думая, что и вправду рада была познакомиться с каждым, за исключением ледяной матушки Макса. Оставалось радоваться, что Миранда не пришла. В этот раз Энди повезло, но, учитывая круг общения семейства Харрисонов, рано или поздно они встретятся.

Она взяла Макса за руку:

– Мне очень понравилось. Спасибо за приглашение.

– Вам спасибо, мисс Сакс, – ответил Макс, целуя Энди руку и глядя так, что желудок у нее ухнул куда-то вниз самым красноречивым образом. – Сейчас как, поедем ко мне? По-моему, вечер только начинается.

Глава 3

Твой выход, сестра!

– Не волнуйся, милая, в день свадьбы все нервничают. Уж ты-то это знаешь, ты на свадьбах всякого навидалась. Мы с тобой, девочка, можем написать об этом книгу!

Нина привела Энди в номер, слегка подталкивая ее рукой в районе копчика. Театрально-яркие краски осени – багряные, рыжие, желтые кроны в огромном окне, будто картина в раме, – бесконечно увеличивали пространство. Нет ничего красивее осени в Райнбеке. Энди засмотрелась в окно, живо вспомнив Коннектикут и прозрачные, свежие осенние дни, обещавшие футбольные матчи, сбор яблок и возвращение в колледж к началу нового семестра. Сейчас листва выглядела ненатуральной, небо – почти зловещим. Энди покачнулась и, чтобы удержаться на ногах, была вынуждена опереться о старинный письменный столик.

– Можно мне воды? – попросила она. Кислый вкус во рту угрожал новым приступом дурноты.

– Конечно, дорогая, только аккуратно. – Нина отвинтила крышечку и протянула Энди бутылку.

У воды оказался металлический привкус.

– Лидия и ее ассистенты почти закончили с твоими подружками и мамой, они сейчас придут нанести последние штрихи.

Энди кивнула.

– Дорогая, ну же, все будет замечательно! Тошнота от волнения – совершенно нормальное дело. Вот двери откроются, увидишь своего красавца жениха в конце ковровой дорожки и сразу забудешь обо всем, кроме желания кинуться к нему в объятия.

Энди содрогнулась. Будущая свекровь ее ненавидит. По крайней мере она против свадьбы. Конечно, у многих невест бывают проблемы со свекровями, но миссис Харрисон била все рекорды. Письмо было в лучшем случае плохим предзнаменованием, а в худшем – обещанием веселенькой жизни. Отношения с Барбарой Энди наладит, нарочно постарается, но ей никогда не стать Кэтрин. Кстати, о Кэтрин: что прикажете делать с этой бермудской девицей? Почему Макс ни словом не обмолвился о встрече? Если скрывать нечего, то почему же он скрыл? Энди желала получить объяснения.

– Слушай, я тебе рассказывала о невесте, которая выходила за катарского нефтяного короля? Такая темпераментная девушка с острым язычком? Они пригласили примерно тысячу гостей, сняли остров Некер – это британские Виргинские острова – и привезли туда всю толпу на самолетах. Короче, ссорились жених с невестой целую неделю, спорили из-за каждой мелочи – от распределения мест до того, кому из матерей танцевать первый танец, – в общем, все как обычно. Но утром в день свадьбы невеста – а работала она теледикторшей – что-то сказала своей кузине, типа: а такой-то считает, что в местных новостях мне торчат еще полгода или год, пока я не получу предложение от какого-нибудь крупного канала! И вот тут-то катарец взорвался. Спросил напряженно, о чем она болтать изволит? Забыла, что после свадьбы она будет сидеть дома? А я такая стою – оп-па, ничего себе, такой важнейший вопрос заранее не обговорить!

Энди не могла ни на чем сосредоточиться, кроме пульсирующего давления в области лба. За глазами разливалась тупая боль. Энди страшно хотелось, чтобы Нина замолчала.

– Нина, честное слово, я...

– Подожди, я еще главного не рассказала. Оставляю я их вдвоем, чтобы выяснили отношения, через полчаса возвращаюсь – уже воркуют, как голубки. Проблема вроде решена. И вот – бум, бум, бум, идет жених, за ним подружки невесты, потом прелестные девочки-цветочницы, за ними сама невеста, ее отец и я. Все по плану, звучит ее песня, весь зал оборачивается и провожает глазами невесту, идущую с широкой счастливой улыбкой, и тут она наклоняется ко мне и что-то шепчет на ухо. Знаешь, что она сказала?

Энди покачала головой.

– Спасибо, говорит, Нина, все идеально, именно то, что я хотела, подготовку моей следующей свадьбы я поручу только тебе. Затем берет отца под руку, высоко поднимает голову и идет. Понимаешь? Идет!

Хотя Энди было жарко – она горела, как в лихорадке, – по спине у нее пробежал мороз.

– И что дальше? – спросила она.

– А все нормально. Два месяца спустя она развелась, через год снова обручилась. Вторая свадьба была несколько скромнее, хотя тоже очень красивая. Но я усвоила главное. Можно разорвать помолвку и даже отменить свадьбу, когда уже разосланы приглашения; это неприятно, но бывает. Но в сам день свадьбы ты поднимаешь голову и идешь к алтарю, сестра, а уж потом поступай как знаешь! – засмеялась Нина и отпила воды из своей бутылки.

Энди кротко кивнула. Они с Эмили и сами об этом говорили. За почти три года работы над «Декольте» им доводилось видеть, как свадьбы отменялись за считанные недели до назначенной даты, но чтобы в сам день торжества? Такого не было ни разу.

– Теперь садись на стул и надевай пелерину, будешь ждать Лидию. После фотосессии она сделает тебе менее яркий макияж. О, мне просто не терпится увидеть тебя на страницах журнала! Номер разойдется миллионным тиражом!

У Нины хватило такта не сказать вслух то, о чем думали они обе: этот выпуск будет нарасхват не только потому, что это свадьба Энди, одной из основательниц журнала, или потому, что Моник Луиллер лично придумала фасон уникального свадебного платья, или потому, что всезнающая Барбара Харрисон наняла лучшего организатора свадеб, флористов и службу, каких только можно найти, но и потому, что Макс – генеральный директор и президент в третьем поколении одной из самых успешных медиаимперий Америки. Не важно, что экономический спад и неудачные капиталовложения вынудили его кусок за куском распродать имущество семьи или что финансовая рентабельность компании вызвала у него серьезные опасения, – это читательниц не интересовало. Громкое имя в сочетании с красотой, безупречными манерами и впечатляющим образованием Макса поддерживало иллюзию, что дела у Харрисонов обстоят гораздо лучше, чем было в реальности. Прошло уже много

лет с тех пор, как «Форбс» включал Харрисонов в список самых богатых американцев, но репутация по-прежнему держалась.

– Обязательно, – пропел кто-то за спиной Энди. – Эту свадьбу будут расхватывать с лотков, как горячие пирожки, – сказала Эмили, покрутившись и сделав книксен. – Ты только посмотри – это, может, первое в истории не кошмарное платье для свидетельницы! Выражение «подружка невесты», на мой взгляд, жутко старомодно, зато хоть платье неплохое.

Энди повернулась на крутящемся стуле, чтобы получше рассмотреть подругу. С высокой прической, открывавшей длинную красивую шею, Эмили сейчас казалась дорогой хрупкой фарфоровой куклой. Сливового оттенка шелк отбрасывал розоватую тень на щеки и подчеркивал голубые глаза; слегка задрапированное на груди и бедрах платье доходило до щиколоток. Ничто не могло помешать Эмили претендовать на главную роль и на своей, и на чужой свадьбе.

– Прекрасно выглядишь. Я рада, что платье тебе понравилось, – сказала Энди, невольно отвлекшись и ощутив некоторое облегчение.

– Давай не будем увлекаться: «нравится» – это сильно сказано, однако я его не презираю. Подожди, повернись вокруг, дай на тебя посмотреть... Ух ты! – Эмили наклонилась так близко, что Энди уловила запах сигарет, заглушенных ментоловыми пастилками. К горлу тут же подступила новая волна тошноты, но это быстро прошло. – Шикарно выглядишь! Как ты умудрилась добиться, чтобы твои сиськи так выглядели? Может, ты имплантаты вставила, а мне не сказала? Да как можно утаивать такую информацию?!

– Поразительно, что можно сделать с помощью хорошей швеи и пары куриных котлеток, – невинно сказала Энди.

– Не трогай! – закричала Нина, но Эмили оказалась проворнее.

– М-м, очень мило. Особенно мне нравится эта наполненность, – сказала она, потыкав Энди в декольте. – На такой убойной груди – и такой нелепый «булыжник»! Ничего, Максу понравится.

– Где невеста? – донесся из гостиной голос матери. – Энди, детка! Мы с Джил и бабулей уже здесь, хотим тебя видеть.

Нина впустила мать, сестру и бабушку Энди, потребовав, чтобы невесту не зажимали в углу, а, наоборот, расступились, потому что у нее немного кружится голова, и выбежала проверить что-то срочное, попросив всех не задерживаться.

– Она что, установила для нас часы посещения, как в больнице? – проскрипела бабушка. – Что с тобой, дорогая? Волнуешься перед первой брачной ночью? Но это же естественно. Никто не говорит, что тебе обязательно понравится, но ты непременно должна...

– Мам, пусть она прекратит, – вполголоса попросила Энди, прижав пальцы к вискам.

Миссис Сакс повернулась к своей матери:

– Мама, пожалуйста!

– Что? Сейчас все дети мнят себя экспертами, потому что прыгают в койку с первым, кто глянет в их сторону!

Эмили восторженно зааплодировала. Энди умоляюще посмотрела на сестру.

– Бабуля, правда, Энди прекрасно выглядит? – вмешалась Джил. – Как символично, что серьги у нее похожи на твои свадебные! «Капля» из моды не выходит.

– В девятнадцать лет я невинной девушкой вышла за твоего деда и забеременела в медовый месяц, как все. И никаких замороженных яйцеклеток, которые вы, девочки, заготовливаете впрок. Ты это уже сделала, Андреа? Я где-то читала, что все твои ровесницы должны заморозить несколько своих яйцеклеток, замужем они или нет.

Энди вздохнула.

– Бабуля, мне тридцать три, а Максу тридцать семь. Надеюсь, рано или поздно дети у нас будут, но сегодня вечером мы начинать не планируем.

– Энди! Куда все подевались?

– Лили, мы здесь! Заходи, – позвала Энди.

В комнату вбежала ее давняя подруга, прелестная в платье с открытыми плечами, которое она сама выбрала, из того же сливового шелка, как у остальных свидетельниц. Следом за ней – в платье другого фасона, но из той же ткани – появилась младшая сестра Макса, Элизабет; ей было около тридцати. Как и Макс, она обладала крепким телосложением, мускулистыми ногами и широкими плечами – возможно, слишком широкими для девушки, – но морщинки вокруг глаз, когда она смеялась, и россыпь веснушек придавали ей мягкость и женственность, а роскошная копна светлых волос струилась по спине блестящими волнами – на нее можно было заглядеться.

Элизабет недавно начала встречаться с Холденом Типпером Уайтом, своим однокашником по Колгейту; они заново познакомились на ежегодном благотворительном теннисном турнире в честь его отца, который на своем самолете врезался в гору в Чили, когда Типперу было двенадцать. У Энди мелькнула мысль: интересно, Элизабет тоже считает, что она недостаточно хороша для Макса? Может, они с мамашей судачат об этом, всей душой болея за Кэтрин с ее впечатляющими успехами в гольфе и гнусавым аристократическим прононсом?

Из задумчивости ее вывела Нина, с взволнованным видом появившаяся в дверях.

– Леди, прошу вашего внимания! Пора собираться у главного зала. Церемония начнется примерно через десять минут. Моя команда уже держит ваши букеты; вас встретят внизу и покажут места. Джил, ваши сыновья готовы?

Энди подавила улыбку. Мать, бабушка и подруги попрощались с невестой, пожелали ей удачи и пожали руку. Слишком поздно откровенничать с Джил или Лили и выслушивать, что она излишне бурно на все реагирует.

Солнце клонилось к закату – октябрьские дни становились короче. Дюжина серебряных канделябров добавляла театральной помпезности, обещанной Ниной. Энди знала – места начинают заполняться, и представляла, как гости пьют из узких бокалов шампанское, которое разносят официанты, и наслаждаются негромкой клавесинной музыкой, подобранной специально для ожидания церемонии одной из армии опытных организаторш.

– Энди, милая, у меня осталось кое-что твое. – Нина в три шага преодолела расстояние от двери до кресла и протянула сложенный листок.

Энди взяла его, вопросительно глядя на Нину.

– Не помнишь? Ну, когда тебе плохо стало? Видимо, я машинально сунула его в карман.

У Энди, должно быть, был потрясенный вид, потому что Нина бросилась ее уверять:

– Не беспокойся, я его не читала. Кстати, редкая удача для любого, кроме жениха и невесты, прочесть любовное письмо в день свадьбы, знаешь примету?

Энди почувствовала, как в ней закипает прежняя злость.

– Нина, ты не оставишь меня на минутку?

– Конечно-конечно, дорогая, но только на минутку. Я вернусь проводить тебя в...

Не дослушав, Энди плотно закрыла дверь. Развернув письмо, она снова пробежала глазами строчки, хотя весь текст и так горел в памяти, словно клеймо. Со всей стремительностью, которую позволяло платье, Энди прошла в туалет, аккуратно разорвала письмо и бросила клочки в унитаз.

– Энди? Дорогая, ты здесь? Тебе нужна помощь? Только не ходи сейчас сама в туалет! Потерпи, сейчас уже нельзя!

Энди вышла.

– Нина, я...

– Прости, дорогая, пора, время. Все, что мы планировали десять месяцев, безукоризненно исполнено к этой вот самой минуте. Я уже говорила, что видела твоего жениха? Боже мой, какой же он красавец в смокинге! Он уже идет к алтарю. Энди! Он стоит там и ждет тебя!

Уже идет к алтарю.

Энди казалось, что она не владеет ногами, когда Нина вела ее по коридору. За двойными дверями их ждал сияющий мистер Сакс.

Он взял дочь за руку, поцеловал в щеку и восхитился, какая она красавица.

– Макс очень повезло, – сообщил он, галантно предлагая Энди согнутую руку.

Эти простые слова едва не вызвали волну цунами, но Энди из последних сил сумела сдержаться. Макс действительно повезло или, как полагает Барбара, он совершает огромную ошибку? Стоит сейчас сказать отцу хоть слово, и он отменит все и вся. Как отчаянно Энди хотелось наклониться к его уху и прошептать: «Папа, я еще не готова!» Так она ответила в пять лет, когда отец подбадривал ее прыгнуть в воду с бортика общественного бассейна, у глубокого края. Но тут коридор наполнился звуками музыки, и Энди поняла, что шаферы уже открыли двойные двери, и весь зал встал, приветствуя ее. Три сотни гостей с ободряющими улыбками на лицах повернулись навстречу невесте.

– Готова? – шепотом спросил отец, и звук его голоса вернул Энди в реальность.

Она глубоко вздохнула. «Макс меня любит, – сказала она себе, – и я его люблю!» По настоянию Энди они три года проверяли свои чувства. Ну и что, если будущая свекровь ее не любит, а прошлое мужа вызывает вопросы? Ведь не это определяет отношения в браке!

Энди взглянула на своих друзей и родственников, на коллег и знакомых и, подавив сомнения, сосредоточилась на улыбающихся глазах Макса, гордо стоявшего в конце алой ковровой дорожки. «Все хорошо», – сказала она себе. Потом сделала глубокий вдох, расправила плечи и еще раз мысленно повторила,

что поступает правильно. И пошла вперед.

Глава 4

И это официально!

Утром ее разбудил звонок телефона. Энди резко села и не сразу поняла, где она, пока сумбурным потоком не хлынули воспоминания: сияющие взгляды, обращенные навстречу, когда она медленно, шаг за шагом, продвигалась вперед по ковровой дорожке. Обожание и нежность на лице Макса, взявшего ее за руку. Смешанные чувства любви и страха, когда их губы соприкоснулись, скрепляя союз в присутствии родных и знакомых. Фотосессия на террасе в то время, пока гости пили коктейли. Оркестр, представивший их собравшимся как мистера и миссис Максвелл-Харрисон. Первый танец под ван Моррисона. Трогательный, сердечный тост ее матери. Университетские приятели Макса, распевавшие непристойный, но задорный студенческий гимн. Свадебный торт, который Энди и Макс разрезали, вместе держась за нож. Медленный танец с отцом. Ее племянники, отплясывавшие брейк под громкие возгласы всеобщего одобрения.

Со стороны свадьба выглядела идеальной. Никто – и меньше всего новоиспеченный муж! – не догадывался, что испытала Энди: сожаление, гнев, замешательство, – когда Барбара сквозь зубы произнесла: «Давайте пожелаем молодым... всего хорошего!» – самый безликий тост, какой Энди слышала на свадьбах из уст свекровей. Противное беспокойство: знают ли Майлс и друзья Макса о бермудской Кэтрин такое, чего не знает Энди? «И что теперь? – думала она. – Надо начинать об этом разговор?» Родители, Джил, Эмили, Лили, все подруги и родственники и все друзья и родня Макса очень тепло поздравляли ее, обнимали, восхищались ее платьем и говорили, что она прелестная невеста. Сияющая. Счастливая. Идеальная. Даже Макс, которому полагалось понимать ее лучше всех в мире, вроде бы ни о чем не догадывался и весь вечер поглядывал на нее с выражением «знаю, знаю, я тоже считаю все это смешным и немного глупым, но давай уж повеселимся, ведь это бывает раз в жизни».

Наконец в час ночи оркестр перестал играть, и последний гость взял свой элегантный льняной мешочек с сувенирами – местное вино, мед и нектарины. Энди удалилась с Максом в люкс для новобрачных. Он, должно быть, слышал,

как ее рвало в туалете, потому что, когда она вышла, вел себя как безумно любящий и заботливый муж.

– Бедная детка, – мурлыкал он, глядя ее по разгоревшейся щеке, – само внимание, как всегда, когда Энди случилось приболеть. – Кто-то выпил слишком много шампанского на собственной свадьбе?

Энди не стала поправлять мужа. Ее лихорадило и тошнило; она позволила Максу помочь ей снять платье и легла на массивную, с балдахинном, кровать, с удовольствием ощутив затылком прохладные подушки. Макс вернулся с мокрой махровой салфеткой и положил ее жене на лоб, а сам все говорил о выборе мелодий оркестром, об умном тосте Майлса, скандальном платье Агаты и о том, что к полуночи в баре кончилось его любимое виски. Энди слышала, как в раковину льется вода, затем в туалете спустили воду, и дверь плотно закрылась. Макс лег рядом, прижавшись обнаженным телом к груди Энди.

– Макс, я не могу, – не сдержавшись, резко сказала она.

– Конечно, нет, – тихо ответил он. – Я вижу, тебе совсем скверно.

Энди закрыла глаза.

– Ты моя жена, Энди. Моя жена. Мы с тобой составим отличную команду, дорогая! – Макс погладил ее по волосам, и Энди едва не заплакала от нежности его прикосновения. – Мы вместе построим прекрасную жизнь, и я обещаю всегда, всегда заботиться о тебе, что бы ни случилось! – Он поцеловал ее в щеку и выключил ночник. – А теперь спи, набирайся сил. Спокойной ночи, любимая.

Энди пробормотала «спокойной ночи» и в тысячный раз за день отогнала от себя воспоминание о письме. Сон пришел к ней через несколько мгновений.

Солнечный свет полосками пробивался сквозь жалюзи балконных дверей, свидетельствуя, что уже утро. Гостиничный телефон ненадолго умолк, но потом снова затрезвонил. Лежавший рядом Макс тихо застонал и перекатился на спину. Наверняка звонит Нина сказать, что погода позволяет провести бранч на открытом воздухе; это было последнее, что требовало уточнения. Энди вскочила

с кровати и в одном вчерашнем нижнем белье побежала в гостиную, чтобы взять трубку, пока не проснулся Макс: она до сих пор не представляла, как будет с ним общаться.

- Нина? - запыхавшись, сказала она в телефон.

- Судя по дыханию, я, кажется, оторвала тебя от чего-то интересного. Ладно, перезвоню, продолжай развлекаться! - В голосе Эмили слышалась улыбка.

- Эмили? А который час? - спросила Энди, оглядываясь в поисках часов.

- Прости, дорогая, сейчас полвосьмого. Я обязательно хотела поздравить тебя первой: статья в «Таймс» просто обалденная! Ты на первой странице раздела свадеб, и фотка роскошная! С фотосессии по случаю помолвки, что ли? Какое на тебе прелестное платье, почему я его раньше не видела?

Статья в «Таймс». Об этом Энди почти забыла. Они сообщили о грядущей свадьбе за несколько месяцев, и хотя из газеты потом звонили уточнить некоторые факты, Энди убедила себя - ей нипочем не попасть на страницы «Таймс». Конечно, при репутации Харрисонов гадать стоило только о том, опишут ли свадьбу подробно или ограничатся объявлением, но Энди гнала от себя эту мысль. По просьбе Барбары она предоставила всю информацию, хотя сейчас понимала, что это был приказ, а не просьба: о свадьбах в семействе Харрисонов всегда объявляли в «Таймс» - и точка! Энди еще сказала себе: ну и ладно, будет что детям показать!

- Газету повесили тебе на дверь. Иди возьми и перезвони мне, - велела Эмили и положила трубку.

Энди натянула гостиничный халат, включила кофеварку и сняла с двери фиолетовый бархатный мешочек, откуда вытрясла на стол огромную «Санди таймс». На первой странице раздела «Санди стайлс» красовалась статья о семейной паре молодых владельцев ночного клуба, ниже шел очерк о появлении корнеплодов в модных ресторанных блюдах и, наконец, обещанная Эмили маленькая аллея славы: упоминание об их свадьбе стояло первым.

Андреа Джейн Сакс и Максвелл Уильям Харрисон поженились в субботу. Брак заключен преподобной Вивьен Уитни, судьей апелляционного суда первого круга, в имени Астор-Кортс в Райнбеке, Нью-Йорк.

Миссис Сакс, 33 года, в профессиональных целях намерена сохранить свою фамилию. Она соиздатель и главный редактор женского журнала «Декольте». С отличием окончила университет Брауна. Дочь Роберты Сакс и доктора Ричарда Сакса, оба из Эйвона, Коннектикут. Мать невесты – брокер по недвижимости в округе Хартфорд, отец – частный психиатр в Эйвоне.

Мистер Харрисон, 37 лет, президент и генеральный директор «Харрисон медиа холдингс», медиакомпании, принадлежащей его семье. Окончил Дюкский университет, диплом бакалавра получил в Гарварде. Сын Барбары и покойного Роберта Харрисона из Нью-Йорка. Мать жениха – куратор музея Уитни и член благотворительного комитета Сьюзен Дж. Комен «Исцеление». До вступления мистера Харрисона в должность президентом и генеральным директором «Харрисон медиа холдингс» был его отец, чья автобиография «Печатник» стала национальным бестселлером.

Энди сделала глоток кофе, вспомнив подписанный экземпляр «Печатника», который всегда лежал у Макса на ночном столике. Он показал ей «Печатника», когда они встречались уже шесть или восемь месяцев, и хотя сам Макс никогда не говорил об этом, Энди знала – это его самая большая драгоценность. На внутренней стороне обложки мистер Харрисон написал: «Дорогой Макс, см. приложение. С любовью, отец», а к обложке скрепкой было прикреплено письмо на сложенных вчетверо страницах желтого линованного блокнота, фактически глава, которую Харрисон-старший не решился включить в книгу из опасения поставить Макса в неловкое положение или открыть слишком много подробностей частной жизни. Письмо начиналось словами о той ночи, когда у Харрисона родился сын (во время жары летом семьдесят пятого); затем подробно описывалось, как за тридцать лет Макс вырос в прекрасного молодого человека, стал сыном, о каком любой отец только может мечтать. Хотя Макс не плакал, когда показывал это письмо, Энди заметила, что на его щеках играли желваки, а голос стал отрывистым. Семья почти лишилась состояния из-за катастрофических ошибок в области инвестиций, совершенных мистером Харрисоном, и Макс, чувствуя личную ответственность за восстановление доброго имени отца, принял на себя заботу о матери и сестре. Энди очень нравилась эта его черта – преданность близким. Она верила, что смерть отца

стала для Макса переломным моментом в жизни. Они познакомились вскоре после этого печального события, и Энди считала, что ей очень повезло стать его новой девушкой. «Девушка, на которой я остановил свой выбор», – любил повторять Макс.

Она снова взяла газету.

Молодожены познакомились в 2009 году благодаря общим друзьям, которые представили их друг другу без предупреждения. «Я шел на деловой ужин, – рассказывал мистер Харрисон. – Но к десерту думал только о том, когда я увижу ее снова».

«Помню, как мы с Максом потихоньку отошли от остальных, чтобы поговорить. Вернее, это я встала и пошла за ним. Можно сказать, увязалась», – со смехом призналась миссис Сакс.

Они стали встречаться и одновременно укрепляли деловое партнерство: мистер Харрисон – крупнейший финансист журнала миссис Сакс. Когда в 2012 году они обручились и стали жить вместе, каждый торжественно пообещал поддерживать карьерные устремления другого.

Молодые супруги будут делить свой досуг между Манхэттенем и фамильным имением жениха в Вашингтоне, штат Коннектикут.

«Делить досуг? – подумала Энди. – Это вряд ли». Когда после смерти Харрисона-старшего выяснилось, что семья находится на краю долговой ямы, Макс был вынужден принять ряд трудных решений вместо матери, которая была убита горем и ни на что не годилась; по словам самой Барбары Харрисон, «ее голова не подходит для бизнеса, им должны заниматься мужчины». Энди не была посвящена в большую часть этих разговоров – все происходило, когда они с Максом только начали встречаться. Но она помнила, как был расстроен Макс, когда пришлось продать дом в Хэмптоне – всего через два месяца после того прекрасного летнего дня, который они там провели. Потом были еще бессонные ночи, когда Макс понял, что придется расстаться с просторным таунхаусом на Мэдисон-авеню, где прошло его детство.

Барбара уже два года проживала в прекрасной трехкомнатной квартире в старинном уважаемом кооперативном доме на пересечении Восемьдесят четвертой улицы и Вест-Энда, сохранив великолепные ковры, картины и тонкое постельное белье, но так и не оправилась от потери двух роскошных особняков и до сих пор без конца сетовала на свое, как она выражалась, «изгнание» в Вест-Сайд. Пентхаус с видом на океан во Флориде стал собственностью семьи Дюпон, друзей Харрисонов, которые подыграли легенде, что у Барбары «нет ни времени, ни сил для Палм-Бич»; двадцатитрехлетний интернет-миллионер отхватил за бесценок лыжное шале в Джексон-Хоул. Единственной уцелевшей недвижимостью стал сельский дом в Коннектикуте на четырнадцати акрах прекрасной холмистой пахотной земли, с конюшней на четырех лошадей и прудом, где можно было кататься на весельных лодках. Однако дом не ремонтировался с семидесятых, и лошадей давно уже не держали – дорого. Реновация была не по карману, поэтому Харрисоны просто начали сдавать имение через доверенного брокера, умеющего держать язык за зубами, чтобы арендаторы не знали, что снимают дом у семьи с громким именем.

Энди допила кофе и снова пробежала глазами объявление. Сколько лет она читает эти страницы, жадно разглядывая фотографии счастливых невест и красивых женихов, оценивая университеты и должности, перспективы и биографию? Сколько раз она гадала, окажется ли однажды среди них, что напишут о ней, напечатают ли снимок? И как странно теперь думать о молодых женщинах с неопрятными «конскими хвостами» и в рваных футболках, которые лежат сейчас на диванах в своих однокомнатных квартирках, читая о свадьбе Энди и думая про себя: «Идеальная пара! Окончили хорошие университеты, и по глазам видно – безумно влюблены друг в друга. Ну почему мне не попадаются такие парни?»

Было и кое-что еще. Во-первых, письмо, о котором Энди не могла забыть. А во-вторых – мучительное воспоминание о том, как она в шутку писала за «Нью-Йорк таймс» объявления о свадьбе с Алексом. Она придумывала десятки вариантов: Андреа Сакс и Александр Файнмен, выпускники бла-бла-бла – и настолько отрепетировала это, что теперь ей почти странно было видеть «Максвелл-Харрисон» рядом с собственным именем.

Ну почему к ней вдруг так привязалось прошлое? Сначала сон о Миранде, теперь воспоминания об Алексее!

Закутавшись в роскошный махровый гостиничный халат и надев на левый безымянный палец бриллиантовое кольцо, Энди воспретила себе всяческий ревизионизм. Да, Алекс был прекрасным бойфрендом. Более того, он был ее лучшим другом. Но вместе с тем он бывал удивительно упрямым и несправедливо категоричным. Работу в «Подиуме» он сразу счел нестоящей и вовсе не так поддерживал Энди, как она надеялась. Алекс ни разу не произнес этого вслух, но Энди чувствовала – Алекс разочарован, что она не выбрала более альтруистическое занятие – преподавание, медицину или что-нибудь некоммерческое.

Макс, напротив, был только рад ее карьере. Он первым инвестировал в «Декольте», заявив, что это одно из лучших его деловых решений. Он любил в Энди энтузиазм и любознательность. Макс не уставал повторять, как приятно встречаться с женщиной, которую интересует не только очередная благотворительная акция или поездка в Сент-Бартс на Рождество. Он никогда не был слишком занят, чтобы выслушать идею очерка, он помог Энди завязать ценные деловые связи и советовал привлечь больше рекламодателей. Не важно, что он ничего не знал о свадебных платьях или тортах с помадкой; Макса впечатлял журнал, который издавала она с Эмили; он гордился Энди и говорил ей об этом. Он понимал, что такое напряженный рабочий график и авралы; ни разу за все время знакомства Энди не столкнулась с его недовольством, если ей нужно было задержаться, ответить на звонок после окончания рабочего дня или поехать в офис в субботу проверить макет журнала, прежде чем его отправят в печать. Макс и сам часто уезжал на работу в выходные, стараясь поддержать новый бизнес, просматривая тощее портфолио холдингов, которые все еще контролировала «Харрисон медиа», или вылетая куда-нибудь улаживать проблемы. Макс и Энди поддерживали друг друга советом и помощью и старались согласовывать свои графики, однако оба придерживались правила «работа прежде всего» и полностью отдавались ей.

В номер позвонили, и Энди стремительно вернулась в реальность. Она еще не была готова разговаривать с матерью, Ниной или даже собственной сестрой. Сидя неподвижно, она умоляла про себя неизвестно кого: «Уходи, дай мне спокойно подумать».

Однако настойчивый визитер позвонил еще три раза. Собрав последние силы, Энди изобразила широкую улыбку и пошла открывать.

– Доброе утро, миссис Харрисон, – любезно начал управляющий именем, дородный немолодой мужчина, чье имя Энди не могла запомнить. С ним была женщина в форме горничной, которая везла столик на колесах. – Пожалуйста, примите наши поздравления! Мы решили, что вы и мистер Харрисон захотите перекусить, прежде чем начнется бранч.

– А, да, спасибо. Очень мило с вашей стороны. – Энди туже запахнула халат и отступила, пропуская столик. Бирка «Не беспокоить», которую она повесила на дверь накануне, валялась на полу в коридоре. Вздохнув, Энди подняла табличку и снова надела на дверную ручку.

Женщина подкатила задрапированный сервировочный столик к венецианскому окну. Энди и управляющий обменялись парой фраз о церемонии и празднике, а горничная тем временем налила в бокалы свежавыжатый апельсиновый сок и открыла маленькие горшочки с маслом и джемом. Затем она слегка поклонилась и вышла.

С облегчением вспомнив, что предсвадебная диета уже позади, Энди взяла корзинку с выпечкой и вдохнула через салфетку щекощущий аромат. Выбрав теплый круассан с маслом, она жадно откусила: в ней вдруг проснулся волчий аппетит.

– Смотрите, кто пришел в себя, – сказал Макс, выходя из спальни со спутанными волосами и в одних только пижамных брюках из мягкого джерси. – Иди сюда, набравшаяся невеста! Как похмелье?

Энди еще жевала, когда Макс заключил ее в объятия и поцеловал в шею. Ощувив прикосновение его губ, Энди невольно улыбнулась.

– Я не была пьяна, – пробубнила она с набитым круассаном ртом.

– А это что? – Он взял оладью с черникой и сунул в рот, потом налил им с Энди по чашке кофе, именно такого, как она любила, с капелькой молока и двумя пакетиками «Сплэнды»[2 - Подсластитель на основе сахара.], и сделал большой глоток. – М-м, вкуснотища!

Энди смотрела на Макса: без рубашки, с чашкой кофе в руке, – и находила его неотразимым. Ей хотелось лечь сейчас с мужем под одеяло и никогда не

вылезать. Может, она все придумала, или это был дурной сон? Мужчину, который шутливо назвал ее миссис Харрисон, а потом с шиком накрыл ей колени салфеткой, Энди любила и еще тринадцать часов назад безгранично доверяла ему. Черт бы побрал проклятое письмо! Кого волнует, что думает его мамаша? Что с того, что Макс встретил на отдыхе одну из своих бывших? Он ничего не скрывает. Он любит ее, Энди Сакс.

– Вот объявление. – Энди показала мужу раздел «Санди стайлс» и не сдержала улыбки, когда Макс выхватил газету у нее из рук. – Хорошо, не правда ли?

Макс пробежал заметку глазами.

– Хорошо? – переспросил он спустя минуту. – Да это великолепно!

Он подошел к Энди с ее стороны стола и опустился на одно колено, совсем как год назад, когда делал предложение.

– Энди, – сказал он, глядя ей прямо в глаза так, что замирало сердце. Энди особенно любила этот взгляд. – С тобой что-то происходит. Я не знаю, из-за чего ты нервничаешь или о чем беспокоишься, но я хочу, чтобы ты помнила – я люблю тебя больше всего на свете и всегда буду рядом, когда ты захочешь поговорить. О'кей?

«Видите? Он меня понимает! – захотелось Энди закричать всему свету. – Он чувствует неладное. Одно это означает, что никакой проблемы нет, правда же?» Она готова была ответить: «Я прочла письмо твоей мамы и знаю, что ты виделся с Кэтрин на Бермудах. У вас что-нибудь было? Почему ты не сказал мне, что виделся с ней?» Но вместо этого Энди сжала руку Макса и попыталась забыть о сомнениях. Впереди их ждал единственный свадебный уик-энд, и она не собиралась портить себе день недоверием и спорами.

Энди испытала легкое чувство презрения к самой себе за то, что предпочла спрятать голову в песок. Ладно, рано или поздно все наладится. Иначе и быть не может.

Я бы не назвала это близкими отношениями!

Отперев дверь лофта в Западном Челси, где находилась редакция «Декольте», Энди затаила дыхание. Ей пока не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь еще приходил на работу раньше девяти утра: большинство работников, придерживаясь традиционных для Нью-Йорка творческих часов, не появлялось в офисе до десяти, а то и половины одиннадцатого, и Энди обрадовалась, что и сегодня ничего не изменилось. Два-три часа до прихода остальных были у нее самыми продуктивными за день, хотя она отчасти чувствовала себя Мирандой, отправляя имейлы и оставляя сообщения на автоответчиках людям, которые еще не успели встать с постели.

Никто, включая Макса, и глазом не моргнул, когда Энди предложила отменить свадебное путешествие в Андирондакс. Через два дня после того, как ее вырвало, а Макс, к его огорчению, был лишен возможности исполнить супружеские обязанности, он согласился с женой, что им лучше вернуться в Нью-Йорк. В любом случае в декабре их еще ждал медовый месяц – две недели на Фиджи. Это был подарок от друзей семьи Макса, и хотя Энди не знала подробностей, слова «вертолет», «частный остров» и «шеф-повар» повторялись достаточно часто, чтобы она с нетерпением ждала поездки. Досиживать трехдневный отпуск на севере штата, когда уже наступили холода, не казалось особенно заманчивым.

В Нью-Йорке новобрачные сразу же вернулись к обычному распорядку, установившемуся еще год назад, когда Макс сделал Энди предложение и они стали жить вместе. В будни они просыпались в шесть. Макс варил кофе на двоих, а Энди заливала молоком овсяные хлопья или делала фруктовые смузи. Они ехали в спортклуб «Эквинокс» на углу Семнадцатой и Десятой, где проводили ровно сорок пять минут. Макс занимался со штангой или гантелями и подолгу давил ногами степпер, а Энди ходила по беговой дорожке на скорости 5,8, не отрывая глаз от какой-нибудь романтической комедии на айпаде и страстно желая, чтобы время шло быстрее. Вернувшись домой, они принимали душ и одевались, затем Макс подвозил Энди в редакцию «Декольте» на пересечении Двадцать четвертой и Одиннадцатой и на служебной машине ехал по Вестсайдскому хайвэю к себе в центральный офис. В восемь часов утра оба уже восседали за своими столами; расписание оставалось неизменным, и нарушить его могли разве что серьезное недомогание или природный катаклизм. Но накануне Энди поставила будильник на виброзвонок на двадцать

минут раньше обычного и выскользнула из-под одеяла, едва подушка под ней затряслась. Пренебрегая душем и кофе, она натянула удобные графитово-серые брюки, подходящую ко всему белую блузку с застёжкой до горла и унылый чёрный пиджак и тихонько вышла за дверь, услышав, что у Макса тоже зазвонил будильник. Она послала мужу сообщение, что вынуждена уйти на работу пораньше и увидится с ним на яхтенной вечеринке. Желудок у нее не успокаивался, мышцы ныли и были слабыми, как тряпки, а температура накануне подскочила до тридцати восьми.

Не успела Энди снять пальто, как зазвонил сотовый.

– Эмили? Что это ты в такую рань? – Энди взглянула на золотые часики – подарок отца по случаю помолвки. – Тебе еще два часа спать.

– А почему ты отвечаешь? – в замешательстве спросила Эмили.

– Потому что ты звонишь.

– Я позвонила, чтобы оставить сообщение. Не думала, что ты ответишь.

Энди засмеялась.

– Спасибо. Хочешь, я положу трубку? Позвонишь еще раз и оставишь!

– Разве ты не отдыхаешь после тяжелого дня дегустации вин или еще каких развлечений?

– Вообще-то было любование осенней листвой, а потом массаж.

– Нет, кроме шуток, ты почему не спишь? Вы еще на севере штата?

Энди включила громкую связь и воспользовалась возможностью снять наконец пальто и усесться в кресло. Уф, словно несколько недель не спала...

– Мы вернулись в город, потому что я себя паршиво чувствую. Голова болит, тошнит, лихорадит. То ли пищевое отравление, то ли грипп, то ли какая-нибудь суточная зараза. И потом, Макс не хотел пропускать сегодняшнюю яхтенную

вечеринку, на которую мне тоже придется пойти. Поэтому мы отчалили. – Энди оглядела свой безобразный наряд и решила, что вечером должна успеть заехать домой и переодеться.

– Яхтенная вечеринка? Сегодня? А почему меня не пригласили?

– Потому что я сама на нее не собиралась. Но раз мы вернулись, я загляну туда ровно на час, а потом поеду домой, с головы до пят натрусь «Виксом» и буду смотреть все серии «Коронованных деток».

– На чьей яхте в этот раз?

– Названия не помню, хозяин – обычный миллиардер, владелец хеджевого фонда. Больше домов, чем у нас с тобой туфель, и жен примерно столько же. Он дружил с отцом Макса, но Барбара считала, что он дурно влияет на мужа, и запретила им общаться. По-моему, еще у него есть несколько казино.

– Похоже, человек знает толк в вечеринках!

– Его там даже не будет. Он любезно предоставил Максусу свою яхту. Не беспокойся, ты ничего не потеряешь.

– Угу. В прошлом году ты говорила то же самое, а там был весь состав «Субботнего вечера в прямом эфире».

За десять лет своего существования журнал «Яхтенная жизнь» не принес ни единого цента прибыли, однако это не мешало Максусу называть его одним из самых ценных структур «Харрисон медиа». Журнал вносил в имидж компании элемент светского блеска; все, кто хоть что-то собой представлял, желали, чтобы их яхта появилась на его страницах. В октябре «Яхтенная жизнь» традиционно задавала вечеринку в честь премии «Яхта года», всякий раз приглашая впечатляющую компанию знаменитостей побродить по палубе какой-нибудь сногшибательной яхты, обходящей вокруг Манхэттена, выпить «Кристалл», полакомиться чем-нибудь с трюфелями, не задумываясь о том, что неприветливой осенью они загрязняют Гудзон, а не теплые воды Лазурного берега.

- Да, тогда было весело, - согласилась Энди.

Эмили помолчала.

- Дело только в этом - ты больна, и на носу яхтенная вечеринка? Или что-то происходит?

Говорите об Эмили что угодно - она может быть бесцеремонной, агрессивной, нередко откровенно грубой, но пронизательность у нее на порядок выше, чем у всех, кого знала Энди.

- А что может происходить? - Голос Энди прозвучал выше обычного, что бывало, когда она лгала или смущалась.

- Не знаю, я поэтому и звоню. Ты прекрасно держалась весь уик-энд, но мне показалось, тебя что-то бесит. Может, это просто раскаяние покупателя?[З - Сожаление после совершения покупки по минутному капризу.] Говорю тебе, после свадьбы с Майлсом у меня вообще целую неделю были панические атаки. Я рыдала дни напролет, не в силах поверить, что теоретически он, получается, последний мужчина, с которым я буду спать. Последний, кого я поцелую! Но ведь все наладилось. Энди, все налаживается, я тебе говорю!

Сердце у Энди забилося быстрее. С тех пор как она нашла письмо, прошло два дня, а она еще ни слова никому не сказала.

- Я нашла в сумке Макса письмо от его мамы. Она пишет, что сынок совершит огромную ошибку, женившись на мне, если он, конечно, все-таки решится довести дело до алтаря.

На несколько секунд в трубке воцарилась тишина.

- Господи, я уж думала, что-нибудь серьезное, - с облегчением выдохнула Эмили.

- Это мне в качестве утешения?

– Слушай, а чего ты ожидала? Харрисоны – люди старой закалки, к тому же свекрови всегда ненавидят невесток, будь они хоть принцессы.

– Отчего же! Кэтрин, к примеру, она готова принять с распростертыми объятиями. Майлс тебе не говорил, что она приезжала на Бермуды?

– Что? – В голосе Эмили прозвучало удивление.

– Барбара пишет, какая эта Кэтрин замечательная, а случайная встреча на Бермудах – не меньше, чем знак свыше. И вспоминает, в какой восторг тогда пришел ее сыночек.

– От Кэтрин? Даже не заводись. Вот уж о ком можешь не волноваться! У нее была привычка сбрасывать Максу ссылки на понравившуюся ювелирку перед днем рождения или годовщиной знакомства. Энди, она трикотажные «двойки» носит! Хотя и от «Прада», но «двойки»! Из его подружек она нам меньше всего нравилась.

Энди прижала ладонь ко лбу. Эмили и Майлс знали Макса дольше, чем она, были свидетелями всех его интрижек и много лет там и сям сталкивались с его девицами, но сейчас ей не хотелось выслушивать подробности.

– Рада это слышать, – сказала она, чувствуя, как начинает болеть голова.

– Он не рассказал, потому что это не важно, – заверила Эмили. – Потому что он без ума от тебя.

– Эм, я...

– Он по уши в тебя влюблен. Он классный парень, которому долго не везло с подругами. Ну, была она на Бермудах, и что? Он же не изменял тебе с ней. Да и вообще ни с кем. Ты это знаешь, и я это знаю.

Два дня назад Энди подписалась бы под этими словами. Макс, конечно, не бойскаут, но тем не менее Энди полюбила порядочного человека. Даже на секунду допустить обратное было невыносимо. Она хорошо помнила, как скрытность Макса чуть не довела ее до нервного срыва.

– Кэтрин – его бывшая подружка, Эмили! Его первая любовь! Девушка, с которой он стал мужчиной. Та, на которой он не женился предположительно потому, что она не была «трудной». Он всегда хорошо о ней отзывался. Я ломаю голову, а не попробовал ли он напоследок воду, в память прежних дней? Не он первый дурит на мальчишнике. Может, жизнь его отца с прелестной женушкой-домоседкой не так уж и плоха, но ему вдруг захотелось бунта, и он выбрал меня? Как мило с его стороны!

– Ты все драматизируешь, – сказала Эмили, но что-то в ее голосе зацепило внимание Энди. Кроме того, именно Эмили первой произнесла слово «изменил». Энди не позволяла себе заходить так далеко, так что подруга ее опередила.

– И что мне теперь делать? А если он изменил?

– Энди, ты ведешь себя нелепо. И истерично. Расспроси Макса, что там было на самом деле.

У Энди сжалось горло. Она редко плакала – обычно от усталости или стресса, а не от горя, но сейчас глаза наполнились слезами.

– Может, и так, но все это просто кошмарный сон. Если это правда, как я смогу его простить? Почему мне знать, вдруг он в нее влюблен! Я думала, мы будем жить вместе всю жизнь, а теперь...

– Энди! Сначала поговори с ним! – велела Эмили. – Перекрой пока свои фонтаны и поговори с мужем, о'кей? Я сегодня буду поздно, у меня завтрак с людьми из «Кейт Спейд». Если что, я на мобильном.

Энди понимала – надо успокоиться, пока не начали съезжаться сотрудники. Глубоко, прерывисто вздохнув, она пообещала себе, что поговорит с Максом, хотя и будет откладывать разговор как можно дольше. В голову лезли самые неприятные вопросы: кто съедет с квартиры? Ну как же, она, конечно, – ведь квартира куплена на деньги семьи Макса. Кому достанется Стэнли? Что она скажет людям? Знакомым? Родителям? Сестре Макса? Как они из лучших друзей, которые вместе живут, вместе спят, во всем поддерживают друг друга, превратятся в чужих людей? Они переплели воедино жизни, дома, семьи, работу, планы на будущее, журнал – все. Как Энди переживет потерю Макса? Она его любит.

Словно что-то почуяв за сорок кварталов, Макс написал имейл, который как раз в эту секунду звякнул в ее почте.

Дорогая женушка!

Надеюсь, то, что ты ушла раньше обычного, означает, что тебе лучше. Признаюсь, я скучал по привычному совместному утру. Я все думаю о нашем потрясающем уик-энде и надеюсь, что ты тоже вспоминаешь его с улыбкой. В моей почте сотни имейлов от людей, пишущих, что они отлично провели время. До двух у меня встречи, но потом я позвоню поговорить о планах на вечер. Я хочу, чтобы ты была на вечеринке, но только если ты в состоянии. Дай мне знать.

С любовью,

твой муж.

Женушка. Жена Макса. Слово эхом отдалось в голове Энди, прозвучав одновременно и непривычно, и восхитительно естественно. Она глубоко вздохнула и решила не терять головы. Никто не умирает. Письмо – не рак в терминальной стадии, и у них не трое детей и дорогая ипотека. К тому же, несмотря на наличие деспотичной мамы, Энди любила Макса. Как можно не любить человека, если он в прошлом году на Валентинов день, который Энди всю жизнь ненавидела за открытки в виде розовых сердечек, задрапировал их маленький балкон черными простынями с наклеенными звездами, светящимися в темноте, и поставил туда столик на двоих? Который подал к столу жаренные на гриле сэндвичи с сыром и анчоусами (ее любимые) вместо филе-миньон, острейшую «Кровавую Мэри» вместо каберне и специально для Энди – пинту кофейного мороженого «Хааген-Даз» вместо какой-нибудь затейливо оформленной коробки конфет? Они засиделись тогда далеко за полночь, разглядывая ночное небо в телескоп промышленного класса. Макс взял его напрокат, запомнив, как Энди несколько месяцев назад посетовала, что единственный неприятный момент жизни в городе – невозможность увидеть звезды.

Они с Максом разберутся и все переживут.

Энди не составило труда повторять эту мантру еще два часа, пока все было тихо и офис принадлежал только ей. К десяти утра все собрались, сгорая от нетерпения подробно обсудить уик-энд, и паника снова стала нарастать и сделалась почти нестерпимой, когда арт-директор Марк принес карту памяти с цифровыми фотоснимками, чтобы показать Энди.

– Фотографии великолепны, просто сногшибательны! Ты приняла абсолютно правильное решение, пригласив Сен-Жермена. Та еще примадонна, как я слышал, но чертовски талантлив. Вот на эти погляди!

– У тебя уже есть фотографии с уик-энда? – удивилась Энди.

– Без ретуши. Только не спрашивай, сколько мы заплатили за доставку.

Дэниел, которого Энди наняла в прошлом году после собеседований по меньшей мере с десятком соискателей, вставил карту памяти в мак Энди. На экране появился запрос, импортировать ли снимки. Дэниел нажал «да».

– Вот на эти посмотри! – Он щелкнул мышкой, и ее с Максом фотография появилась на экране диагональю двадцать семь дюймов.

Энди смотрела прямо в камеру, глаза казались ярко-голубыми, кожа – безупречной. Красавец Макс, снятый в профиль, прижимался губами к ее щеке. Осенняя роща, на фоне которой проходила фотосессия, не соглашалась служить фоном и рвалась на первый план. Рыжие, желтые и красные краски составляли яркий контраст с черным смокингом и белым платьем. Снимок казался готовой журнальной страницей, причем одной из самых красивых, какие Энди доводилось видеть.

– Эффектно, не правда ли? А этот!

Мелькнули несколько снимков, и открылась черно-белая фотография. Десятки улыбающихся и аплодирующих гостей по периметру зала, Макс и Энди готовятся начать первый танец под мелодию «Теплой любви». Снимок был сделан под углом, позволяющим видеть, как новобрачный целует в лоб молодую супругу, обнимая ее за талию, а роскошные каштановые волосы Энди каскадом спускаются ниже лопаток. Энди отметила, что застежка, которую решили добавить на шлейф на последней примерке, смотрится великолепно, и

порадовалась, что остановила свой выбор на невысоких «кошачьих» каблуках: это увеличивало разницу в росте и на снимках выглядело элегантнее.

– А вот твои. Просто восхитительно! – Дэниел перевел курсор на папку «Портреты». Экран запестрел маленькими прямоугольничками. Дэниел покрутил страницу вниз и открыл один из снимков. Экран ожил: появилось лицо и плечи Энди, чуть припудренные тонкой блестящей пылью, от которой светилась кожа. На большинстве снимков Энди специально улыбалась сдержанно (фотограф сказал, что так легче убрать тонкие морщины и носогубные складки) и только на этой фотографии не сдержала искренней улыбки. Хотя «гусиные лапки» у глаз и складки у рта сделались заметнее, это был самый удачный снимок, сделанный явно до того, как Энди наведальась в номер Макса.

Все говорили, что Сен-Жермена заполучить невозможно, но Энди решила – попытка не пытка. Понадобился месяц и не меньше дюжины звонков агенту фотографа, чтобы убедить его хотя бы рассказать о ней Сен-Жермену. Энди пришлось выслушать, что какое-то «Декольте» – слишком мелкотравчатое издание для его всемирно известного клиента, но агент, так и быть, передаст информацию Сен-Жермену, если Энди перестанет названивать. После недели пустого ожидания она написала Сен-Жермену письмо от руки и отправила с курьером в фотостудию в Чайнатауне, пообещав два общих плана по выбору фотографа, оплату всех расходов на перемещение и участие «Декольте» в сборе средств в пользу жертв землетрясения на Гаити, любимого благотворительного мероприятия Сен-Жермена. За это она удостоилась телефонного звонка от женщины, назвавшейся «подругой» фотографа, и когда Энди согласилась, что темой одного из выпусков «Декольте» станет свадьба обожаемой племянницы Сен-Жермена, собиравшейся замуж следующей осенью, недоступный маэстро расписался на пунктирной линии. Это стало одной из самых больших профессиональных удач Энди, и сейчас она не сдержала горделивой улыбки.

Она ужасно волновалась от того, что фотографировать ее будет такой прославленный художник, мастер фотографии в стиле ню, но Сен-Жермен сразу снял всякое напряжение. Энди поняла, что? делает его профессионалом высокого класса.

– Какое облегчение! – петухом прокричал он, едва перешагнув порог номера для новобрачных с двумя ассистентами в арьергарде. При виде Сен-Жермена Энди почувствовала невыразимую благодарность за то, что он вообще сюда добрался,

пусть ее и застали в одном лифчике без лямок и эластичном корсете со штанишками.

– Потому что придется снимать одну заурядную невесту, а не толпу моделей в купальниках? Здравствуйте, я Энди. Как приятно наконец-то лично с вами познакомиться!

Ростом не более пяти футов шести дюймов, Сен-Жермен был хрупким и бледным, словно лилия, зато голос у него оказался, как у полузащитника. С таким голосом плохо сочетался неопределимый акцент (Французский? Британский? Австралийский?).

– Ха-ха! Вот именно. Девушки пошли сумасшедшие, просто ненормальные! Но замечу со всей серьезностью, *ma chérie*: я счастлив, что вам не требуется макияж всего тела. Это так утомительно!

– Никаких телесных макияжей, обещаю. Все идет по плану, и вам не увидеть, сделала ли я восковую эпиляцию области бикини, – засмеялась Энди. Ей стоило стольких усилий заполучить этого фотографа, что, казалось, она должна была бы возненавидеть такого ломаку, но Сен-Жермен обладал неотразимым обаянием. От его «подруги» она знала, что фотограф прилетел непосредственно из Рио, где проходила фотосессия в купальниках для свежего номера «Иллюстрированного спорта» – пять дней, двадцать пять моделей, сотни, если не тысячи дюймов подтянутых, загорелых ног.

Сен-Жермен кивнул, словно Энди сказала что-нибудь серьезное.

– Это хорошо. А-а, как я устал смотреть на тощих девиц в ярких бикини! Конечно, о них мечтает большинство мужчин, но знаете, как говорится, покажите мне красивую женщину, и я покажу мужчину, который устал от... окончание вы, наверное, слышали, – ухмыльнулся он.

– Я бы не сказала, что вы плохо проводите время, – улыбнулась Энди.

– Пожалуй, что нет! – Сен-Жермен взял Энди за подбородок и повернул ее лицо к свету: – Не двигайтесь.

Не успела она понять, что происходит, как ассистент подал фотографу камеру с объективом диаметром, как у бревна, и Сен-Жермен принялся нажимать на спуск.

Рука Энди метнулась к лицу:

- Стойте! Меня же еще не накрасили, я даже платье не надела!

- Нет-нет, вы сейчас прекрасны. Красавица! Ваш жених говорил вам, что гнев вас очень красит?

- Нет, не говорил.

Сен-Жермен проворно протянул руку с камерой влево. Одетый в черное ассистент немедленно взял ее и заменил новой.

- М-м-м, а мог бы и сказать. Да-да, вот так. Посверкайте для меня, дорогая.

Энди опустила плечи и повернула голову:

- Что?

- Ну же, сверкайте!

- Боюсь, я не умею сверкать.

- Рэй! - рявкнул фотограф.

Один из ассистентов выскочил из-за дивана, где он держал рефлекс, отставил бедро, выпятил губы, слегка наклонил голову и чуть опустил веки, изображая сексуальный, манящий взгляд.

Сен-Жермен кивнул.

- Видели? Я говорю это всем милашкам в купальниках. Сверкайте!

Вспоминая все это, Энди снова рассмеялась. Она показала на один из прямоугольничков, которые Дэниел пропустил не открывая. Веки у нее были полуопущены, словно у наркоманки, а рот собран в куриную гузку.

- Смотри, вот здесь я сверкаю.

- Что-что?

- Не важно.

- Вот, - сказал Дэниел, увеличивая фотографию Энди и Макса, запечатленных во время свадебного поцелуя. - Какая прелесть!

Энди вспомнила волнение, которое ощутила, когда открылись двойные двери. Первые звуки канона Пахельбеля означали, что пути к бегству отрезаны. Вцепившаяся в отцовскую руку Энди увидела среди гостей тестя и тещу своего брата, троюродных сестер матери и няньку Макса с Карибских островов, которую он до четырех лет считал своей мамой. Отец очень нежно вел Энди вперед, помогая ей держаться на ногах. Группа университетских подружек с мужьями улыбалась справа. Впереди шайка приятелей Макса по частной школе. Красивые, как на подбор, и с не менее привлекательными спутницами, они все повернули головы и уставились на нее. Энди мимолетно удивилась, почему гости со стороны жениха и со стороны невесты не разделились: так что, уже не делают? Ей, доморощенному эксперту по свадьбам, полагалось знать ответ, но она не знала.

Ее внимание привлекло кислотно-зеленое пятно справа: модница Агата, их секретарша, явно получила откровение главного небесного хипстера, что в моду войдут не только небритость и мужские шляпы, но и неоновые цвета. Агату окружали служащие редакции «Декольте», всего около двадцати человек. Некоторые - начальник отдела фотографии и исполнительный директор - убедительно изображали восторг от того, что приходится тратить праздничный выходной - день Колумба - на свадьбу начальницы. Помощницы, младшие редакторы и девушки из отдела рекламы притворялись хуже. Энди считала, что жестоко было звать на свадьбу весь штат подчиненных, обязав явиться на, по сути дела, рабочее мероприятие, когда люди и без того в офисе с утра до вечера, но Эмили настояла. Она утверждала, что для укрепления коллектива очень полезно собрать всех выпить и потанцевать, поэтому, как до этого с

флористами, банкетом и размахом праздника, Энди уступила.

Она медленно приближалась к импровизированному алтарю, с трудом передвигая ноги, будто шла по глубокому снегу, и тут еще одно лицо привлекло ее внимание. Светлые волосы стали чуть темнее, но на щеках по-прежнему играли ямочки. Дорогой черный костюм – не смокинг, разумеется, этот гость ни за что на свете не оделся бы столь заурядно. Он всегда говорил, что дресс-коды придуманы для людей без чувства стиля. Он всегда много чего говорил, а Энди заслушивалась его речью, словно это вещал сам Господь Бог. Кристиан Коллинсворт, ее ошибка после Алекса и до Макса, выглядел эффектно, стильно и самоуверенно, как и пять лет назад, когда она проснулась в его постели на Вилла д'Эсте, обнаженная, на скрученных простынях, и через несколько минут он небрежно бросил, что его подруга завтра тоже приезжает на озеро Комо, не желает ли Энди с ней познакомиться? Когда Эмили в порядке личного одолжения попросила Энди пригласить Коллинсворта, она с негодованием отказалась, но когда миссис Харрисон внесла его в список гостей вместе с Коллинсвортами-старшими, близкими друзьями Харрисонов, Энди не посмела сказать: «Барбара, боюсь, неприлично приглашать на нашу свадьбу человека, с которым у меня был головокружительный роман. Не поймите превратно, в постели он бог, но вдруг за коктейлями возникнет неловкость? Надеюсь, вы меня поймете». Теперь Коллинсворт стоял в зале, обнимая мать за талию, его взгляд говорил Энди: «Мы с тобой помним о нашей восхитительной тайне». Таким взглядом Кристиан одаривал половину женщин на Манхэттене.

– Я пойду по красной дорожке и увижу человека, с которым у меня был секс, – пожаловалась она Эмили, ознакомившись со списком приглашенных миссис Харрисон. К счастью, Кэтрин вычеркнули по требованию Макса. Энди хотелось завопить от восторга, когда он сказал матери: «Никакой Кэтрин. Никаких бывших!» – несмотря на ее статус «близкого друга семьи». Когда Энди призналась потом жениху, что его мать пригласила Кристиана Коллинсворта, Макс сказал, глядя ей в глаза: «Мне плевать на Кристиана, если и тебе тоже». Энди согласно кивнула, сочтя за лучшее не расстраивать Барбару.

Эмили округлила глаза:

– В точности как девяносто девять процентов невест, исключая религиозных фанатичек и ломающих статистику ботаничек, которые познакомились со своим суженым в первом классе и ни с кем другим не переспали. Забудь! Гарантирую, твой Кристиан давно так и сделал.

– Знаю, – сказала Энди. – Я у него, наверное, тысяча первая, но все равно как-то странно видеть его на моей свадьбе.

– Ты взрослая женщина, тебе тридцать один год, ты уже восемь лет живешь в Нью-Йорке. Я бы забеспокоилась, если бы на твоей свадьбе не появился кто-нибудь, с кем ты переспала, помимо жениха.

Энди перестала делать пометки на лежавшем перед ней макете номера и посмотрела на Эмили:

– Напрашивается вопрос...

– Четверо.

– Не верю! Кто? Я знаю только Джуда и Гранта.

– Помнишь Остина-кошатника?

– Ты мне не говорила, что спала с ним!

– А чем тут хвастаться? – Эмили отпила кофе.

– Это три. А кто четвертый?

– Феликс из «Подиума». Он работал в...

Энди чуть не упала со стула.

– Он же голубой! Он сочетался браком со своим бойфрендом в прошлом году! Как ты умудрилась с ним переспать?!

– Вот любишь ты цепляться за ярлыки! Это было один раз, после модного показа «Мода рулит». В какой-то момент Миранда послала нас с Феликсом в VIP-зал принять заказы на выпивку. Мы перебрали с мартини. Было весело. Ну а потом побывали мы на свадьбах друг у друга, большое дело! Расслабься!

Тогда Энди с ней согласилась, но это было до того, как ее втиснули в свадебное платье и повели венчаться с человеком, который, судя по всему, только что ей изменил, а человек, который ей всегда очень нравился, двусмысленно ухмылялся в толпе гостей.

Церемония прошла, как во сне, и только хруст хрусталя под ногой Макса вернул ее к реальности. Р-раз! Дело сделано. С этого дня она больше не будет прежней Энди Сакс, собой, что бы это ни значило. С этого мгновения ей придется пожизненно нести одно из двух малопривлекательных званий: замужней либо разведенной. Как же это вышло?

Телефон в кабинете Энди зазвонил. Она взглянула на часы: пол-одиннадцатого. В интеркоме слышался голос Агаты:

- Доброе утро, Энди. Макс на первой линии.

Агата взяла моду день ото дня являться на работу все позднее, и Энди собиралась сделать ей выговор за это. Она протянула руку к кнопке интеркома сказать секретарше, что не может сейчас разговаривать с Максом, но умудрилась при этом опрокинуть свою чашку кофе и нечаянно нажала на мигающую кнопку первой линии.

- Энди, ты как? Дорогая, я волнуюсь. Как ты себя чувствуешь?

Остывший кофе, ставший еще противнее горячего, медленно капал со стола прямо на брюки Энди.

- Нормально, - сказала она торопливо, оглядываясь в поисках салфетки или хотя бы листка бумаги, чтобы вытереть лужу. Ничего не нашлось. Оставалось смотреть, как кофе медленно пропитывает настольный календарь и льется на колени. Энди заплакала. Опять. Для того, кто редко плачет, она в последнее время не осушала глаз.

- Ты плачешь? Энди, что случилось? - спросил Макс. Тревога в его голосе только усилила потоки слез.

– Ничего, все в порядке, – солгала Энди, глядя на круглое пятно от кофе на левой брючине. Она кашлянула. – Слушай, мне придется заехать домой переодеться перед яхтенной вечеринкой, поэтому я могу выгулять Стэнли. Отменишь того, кто с ним гуляет? Ты домой приедешь или там встретимся? Напомни, с какого пирса отходит яхта?

Они уточнили кое-какие детали, и Энди удалось закончить разговор без объяснений по поводу своего приступа слез. Она поправила макияж перед маленьким настольным зеркалом, бросила в рот две таблетки тайленола, запила диетической колой и погрузилась в работу. До конца дня, к счастью, Энди была так занята, что у нее не было времени плакать. Ближе к вечеру она даже выкроила полчаса и уложила волосы в «Дрим драй», поэтому, наскоро переодевшись дома и выпив бокал ледяного пино гриджио, почувствовала себя почти человеком.

Макс оказался рядом, едва Энди спустилась по покрытым красным ковром сходням в открытую кают-компанию: от его мягкого поцелуя и пряного мятного запаха приятно закружилась голова.

– Прекрасно выглядишь, – сказал Макс. – Очень рад, что тебе лучше.

Неожиданно у Энди к горлу подступила резкая тошнота; она поспешно зажала рот ладонью.

Макс наморщил лоб.

– Из-за ветра поднялись волны, яхту качает. Не волнуйся, они скоро утихнут. Идем, я хочу тобой похвастаться.

Вечеринка была в полном разгаре. Энди с Максом выслушали десятки поздравлений по случаю свадьбы. Неужели минуло всего четыре дня после того, как она пошла к алтарю? Дул пронизывающий ветер; одной рукой Энди придерживала волосы, другой стягивала у шеи кашемировый палантин. Больше всего она радовалась, что у свекрови сегодня какая-то неотменимая неделовая встреча в Верхнем Ист-Сайде и на яхту она не попадет.

– Пожалуй, эта роскошнее всех, – похвалила Энди, оглядывая кают-компанию в марокканском стиле, оценив изысканную обивку сложного плетения и проведя

пальцами по барной стойке с ручной резьбой. – С каким вкусом сделано...

Жена редактора «Яхтенной жизни», чье имя Энди не могла запомнить, наклонилась и сказала:

– Я слышала, дизайнеру на оформление дали пустой чек. Буквально пустой, на неограниченную сумму.

– Какому дизайнеру?

Женщина уставилась на нее.

– Как какому? Валентино! Владелец поручил ему оформление яхты. Можете представить, сколько стоит нанять одного из выдающихся мировых дизайнеров выбрать ткань для диванов?

– Даже вообразить не могу, – пробормотала Энди, хотя, конечно, могла. После года работы в «Подиуме» ее мало что шокировало – и меньше всего суммы, которые богатые готовы потратить на свои прихоти.

Энди смотрела, как женщина (Молли? Сэди? Зоэ?) уплетает миниатюрные тортильи с соусом тартар и, жуя, глазееет по сторонам. Вдруг ее глаза расширились.

– Боже мой, он здесь. Не может быть, сам приехал! – пробормотала она, не прожевав до конца и поэтому прикрывая ладонью рот и раздутые щеки.

– Кто приехал? – якобы безразлично спросил ее муж.

– Валентино! Только что приехал! Смотри! – Женщине удалось наконец проглотить тортилью, и она быстро подкрасила губы одним грациозным движением.

Макс и Энди обернулись. Загорелый, подтянутый, обтянутый костюмом Валентино осторожно снял свои лоферы и шагнул на палубу. Стоявший рядом лакей подал ему фыркающего мопса с мокрой мордочкой, которого дизайнер без слов принял и начал поглаживать. Валентино откровенно рассматривал гостей и,

не выразив ни неприязни, ни удовольствия, повернулся, чтобы предложить руку своему спутнику. Однако на яхту поднялся не старый Джанкарло; Энди с ужасом смотрела, как с затененной лестницы, которая вела в кают-компанию, появились пять длинных пальцев с красными лаковыми ногтями и по-тигриному сомкнулись на запястье Валентино.

He-e-e-ет!!!

Энди испуганно взглянула на Макса. Она закричала вслух или только мысленно?

Словно в замедленной съемке, кошмар материализовался дюйм за дюймом: макушка «боба», длинная челка – и лицо с до боли знакомым выражением крайнего неудовольствия. Сшитые на заказ белые брюки, шелковая туника и кобальтово-синие лодочки – от «Прада», а жакет, напоминавший военный френч, и классическая стеганая сумка – от «Шанель». Единственное украшение – широкий эмалевый браслет от «Эрмес» – того же цвета, что и туфли. Энди несколько лет назад читала, что браслеты заменили Миранде белые шарфы-талисманы. У нее наверняка собралось сотен пять браслетов всевозможных цветов и размеров, и Энди испытала огромное облегчение, что уже не несет ответственности за их бесперебойную поставку. Завороженно глядя, как Миранда отказалась снять туфли, Энди даже не заметила, что Макс сжал ей руку.

– Миранда, – прошептала она задыхаясь.

– Приношу свои извинения, – сказал Макс ей на ухо. – Я понятия не имел, что она придет.

Миранда не любила вечеринки. Яхты она тоже не любила. Очевидно, что особенно сильно она не любила вечеринки на яхтах. Три, максимум пять человек в мире могли уговорить Миранду взойти на борт, и Валентино был одним из них. Хотя Энди по опыту знала, что Миранда уделит вечеринке не больше десяти – пятнадцати минут, ее охватил ужас при мысли оказаться на одном суденышке с персонажем своих ночных кошмаров. Неужели десять лет прошло с тех пор, как на парижской улице она крикнула: «Идите вы к черту!» – и уехала в Нью-Йорк? Кажется, все было только вчера. Энди стиснула телефон, борясь с желанием позвонить Эмили, но тут Макс отпустил ее руку и потянулся поприветствовать Валентино.

– Очень рад снова вас видеть, сэр, – произнес официально Макс.

– Надеюсь, вы простите нам это вторжение, – сказал Валентино с легким полупоклоном. – Со мной планировал быть Джанкарло, но я приехал в Нью-Йорк, чтобы встретиться с этой очаровательной леди, и мне захотелось снова посетить мою яхту.

– Мы в восторге, что вы почтили нас своим присутствием, сэр.

– Брось это «сэр», Максвелл. Твой отец был моим близким другом. Я слышал, ты хорошо ведешь дела?

Макс напряженно улыбнулся, не зная, вызван ли вопрос Валентино простой вежливостью или в нем кроется подвох.

– Стараюсь. Позвольте предложить вам и... мисс Пристли что-нибудь выпить?

– Миранда, дорогая, это Максвелл Харрисон, сын покойного Роберта Харрисона. Максвелл сейчас управляет «Харрисон медиа хол...

– Мне это известно, – перебила Миранда, глядя на Макса с холодным безразличием.

Валентино удивился не меньше Энди.

– Ага! Я не знал, что вы знакомы, – сказал он, ожидая объяснений.

Макс пробормотал:

– Мы не знакомы.

И одновременно Миранда произнесла:

– Да, мы знакомы.

Последовала неловкая пауза, которую Валентино поспешил заполнить пронзительным смехом.

– А-а, я чувствую, за этим кроется интересная история! Буду ждать, когда вы мне ее расскажете! Ха-ха-ха!

Энди до крови прикусила кончик языка. Снова накатила дурнота, во рту словно лежал кусок мела, и она, хоть убей, не знала, что сказать Миранде Пристли.

К счастью, Макс, более привыкший к светским разговорам, обнял Энди за талию и сказал:

– А это моя жена, Андреа Харрисон.

Энди едва не поправила мужа: вообще-то Сакс! – но вовремя поняла, что он намеренно не упомянул ее девичьей фамилии. Хотя это уже не имело значения: Миранда заметила кого-то интересного на другом конце кают-компания, и не успел Макс договорить, как она уже была в двадцати футах от них. Она не поблагодарила Макса и даже не взглянула на Энди.

Валентино с виноватым видом поспешил за Мирандой, сжимая в объятиях мопса.

Макс повернулся к Энди.

– Мне очень жаль, я понятия не имел...

Энди положила ладонь ему на грудь:

– Все нормально. Правда. Все прошло даже лучше, чем я смела надеяться. Она на меня и не взглянула. Никаких проблем.

Макс поцеловал жену в щеку, сказав, как прелестно она выглядит, попросил никого не бояться, по крайней мере славящуюся своей грубостью Миранду Пристли, и пообещал принести воды. Энди слабо улыбнулась мужу, отвернулась и стала смотреть, как матросы поднимают якорь и яхта отходит от берега. Она прижалась к металлическим перилам и глубоко вдыхала холодный октябрьский воздух, чтобы успокоиться. Руки дрожали, поэтому она обхватила себя за плечи

и закрыла глаза. Ничего, вечеринка скоро кончится.

Глава 6

Некролог, написанный заранее

Наутро после яхтенной вечеринки, когда в шесть часов у Макса прозвенел будильник, Энди показалось, что она готова раздавить его (или Макса) в лепешку. Только после настойчивого торможения она вылезла из кровати и натянула спортивные штаны и старую фуфайку «Браун». Медленно жуя банан, который Макс вручил ей на выходе из квартиры, она вяло поплелась в соседний квартал. Попытка провести карточкой спортклуба через щель отняла у нее все силы. Энди взобралась на беговую дорожку, не без оптимизма поставив таймер на сорок пять минут, но это был предел ее возможностей: когда программа перешла от разминки к сжиганию жира, Энди нажала кнопку аварийной остановки, схватила свою «Весну в Польше»[4 - Марка бутилированной воды.] и «Ю-эс уикли» и удалилась на лавочку. Мобильный зазвонил так внезапно, что Энди от неожиданности чуть не выронила его. На экране высветился номер Эмили.

– Сейчас шесть пятьдесят две! Ты что, прикалываешься надо мной? – спросила Энди, внутренне собираясь перед неизбежным напором подруги.

– А ты разве еще не встала?

– Я-то встала, естественно. Я в спортзале. А вот ты почему не спишь в такую рань? Или ты звонишь из тюрьмы? А может, из Европы? Второй раз за неделю ты вскакиваешь, не дожидаясь девяти!

– Энди, ты не поверишь, кто мне только что звонил! – Подобная степень возбуждения у Эмили предназначалась обычно для знаменитостей, президентов или бывших бойфрендов, с которыми еще не все закончилось.

– Никто. Еще семи утра нет.

- Угадай.

- Эм, ну хватит!

- Я тебе подскажу: тебе этот человек покажется очень-очень интересным!

Энди вдруг сразу все поняла. Ну вот зачем эта звонила Эмили? Облегчить нечистую совесть? Оправдаться признанием в истинной любви? Объявить, что беременна от Макса? Несомненно, это она.

- Кэтрин, что ли?

- Кто?

- Бывшая Макса, с которой он встречался на Бермудах?

- Ты его так и не спросила об этом? Энди, ну это уже ни в какие ворота не лезет! Не тупи, никакая не Кэтрин, с чего ей вообще мне звонить? Звонили из «Элиас-Кларк»!

- Миранда! - прошептала Энди.

- Не совсем. Какой-то тип по имени Стэнли, который не заморачивался подробностями или должностями, но я, погуглив, узнала, что он у них главный консультант.

Энди согнулась, опустив голову между колен. Из комнаты велотренажеров ударила громкая «Позвони мне, может быть». Энди встала и зажала свободное ухо.

- Я понятия не имею, зачем он звонил, но он оставил сообщение почти ночью с просьбой перезвонить как можно быстрее по крайне важному делу.

- С ума сойти! - Энди заметалась между женской раздевалкой и ковриками для пилатеса. Макс на силовом тренажере мерно качал мышцы спины.

- Интересно, правда? Должна сказать, я заинтригована.

- Это все Миранда. Я видела ее вчера. Сперва лично, а затем в ночных кошмарах. Очень долгая выдалась ночь.

- Ты ее видела? Где, по телевизору?

- Ха-ха! У меня настолько незавидная жизнь, что ты даже не веришь в такую возможность? Я видела ее на яхтенной вечеринке! Она была с Валентино. Мы вместе пили коктейли, а затем вчетвером отправились в «Да Сильвано» ужинать. Миранда была сама любезность. Признаюсь, я удивлена.

- Гос-по-ди, я сейчас умру! Как ты могла не позвонить мне, едва вернувшись домой? Или из туалета в ресторане? Энди, признавайся, ты сейчас наврала! Быть такого не может!

Энди засмеялась.

- Конечно, я тебя дую. Неужели ты поверила, что мы с Мирандой съели по порции тальятелле, и я тебе не сказала? Да, она появилась на празднике, но даже не взглянула в мою сторону. Все мое общение с ней свелось к вдоханию «Шанель № 5», когда она прошла мимо, не подавая виду, что узнала меня.

- Зараза ты, - с чувством выдохнула Эмили.

- Взаимно. Слушай, тебе не кажется, что это связано? Я увидела ее вчера впервые за черт знает сколько лет, и вдруг она звонит тебе на следующий день?

- Эмили, она мне не звонила, звонил Стэнли.

- Это одно и то же.

- Думаешь, до них дошли слухи о нашей маленькой привычке упоминать ее имя, чтобы привлечь знаменитостей? Но это же не преступление? - В голосе Эмили появилась тревога.

– Может, они наконец заметили, что ты стащила ее записную книжку с двумя тысячами адресов, и хотят судом обязать тебя хранить информацию в тайне? – предположила Энди.

– Девятилетней-то давности? Да ну!

Энди помассировала ноющие икры.

– Может, она решила тебя вернуть? Вдруг ты все-таки была лучшей из тех, кто сдавал в химчистку ее вещи и приносил ленч, и теперь она наконец поняла, что не может без тебя жить?

– Прелестно. Я сейчас в душ и через полчаса выезжаю. Встретимся в офисе?

Энди взглянула на часы, обрадовавшись отличному предлогу улизнуть из спортзала.

– Хорошо, тогда до встречи.

– Да, и еще, Энди, я сегодня жарю бифштекс. Ты приходи пораньше, займешься цукини. Майлса до восьми не будет.

– Годится. Скажу Макс, чтобы позвонил Майлсу. Пока.

Жесткие, как подошва, бифштексы из филе и мелко нарезанные тушеные кабачки больше пяти лет были у них дежурным блюдом. В свое время Энди и Эмили посещали терапевтические кулинарные курсы, и за целый семестр им покорились только бифштексы с кабачками. Сколько они ни готовили чертово мясо и цукини (обычно получалось два или три раза в месяц), Энди всякий раз вспоминала 2004 год, когда она ушла из «Подиума», год, изменивший все.

Энди была не из тех девушек, которые помнят, что надевали на первое сентября, на третье свидание, на дни рождения, на встречи с друзьями и на все праздники, но 2004-й навечно врезался ей в память: не каждый год мы увольняемся с работы, переживаем развод родителей, нас бросает бойфренд, с которым мы прожили шесть лет, а лучшая (вернее, единственная) подруга переезжает на другой конец страны.

Началось все с Алекса – всего через месяц после возвращения Энди из бесславной поездки в Париж под девизом «Идите вы к черту, Миранда!». Вспоминая эту перепалку, Энди внутренне корчилась от мучительной неловкости, в ужасе от собственного поведения. Да, она считала такой способ увольняться в высшей степени непрофессиональным и неотесанным, какой бы плохой ни была работа. Но если бы все повторилось, если бы можно было вернуться назад во времени и снова пережить тот эпизод, Энди, наверное, не изменила бы ни одной мелочи – слишком уж хорошо ей стало. Вернуться домой, к Лили, к родителям, к Алексу было правильным поступком, и единственное, о чем Энди жалела, – что не сделала этого раньше. Однако, к ее удивлению, после ухода от Миранды жизнь вовсе не стала прежней. За год, который Энди провела в «Подииуме», поднося, относя, разыскивая, находя, учась плавать в одном бассейне с акулами моды, охваченная постоянным страхом и не имея времени и сил ни на что, кроме работы, она перестала замечать, что происходит вокруг.

Когда они с Алексом успели настолько отдалиться друг от друга, что он уже не находил с ней ничего общего? Он твердил, что все изменилось, что он ее не узнает. Ушла из «Подииума» – прекрасно, но разве она не понимает, что стала другим человеком? Девушка, в которую он влюбился, отвечала только за себя, а новая Энди так и рвется бегать по чужой указке. Что это значит, закусив губу, спрашивала Энди, в которой грусть смешивалась со злостью. Алекс только качал головой. Они постоянно выясняли отношения. Казалось, Алекс в ней разочаровался, и когда он наконец заявил, что хочет от всего отдохнуть, и – ах да, забыл! – принял предложение от «Преподавай для Америки»[5 - Американская некоммерческая организация, приглашающая выпускников университетов или профессиональных преподавателей поработать минимум два года в бедных районах США.] о переводе куда-то в дельту Миссисипи, Энди была подавлена, но не удивлена. Формально все было кончено, хотя ей и не верилось в это. Следующий месяц они перезванивались и время от времени виделись. Всегда находилась причина позвонить или послать имейл – забытая толстовка, вопрос к ее сестре, идея, как продать билеты на осенний концерт Дэвида Грэя, купленные за несколько месяцев. Хотя расставание по-прежнему казалось нереальным, Энди впервые начала ощущать неловкость в общении с Алексом. Она пожелала ему удачи и обняла совершенно по-сестрински, но в глубине души не верила, что он навсегда поселится в Миссисипи. Они возьмут тайм-аут, хорошенько подумают в разлуке, придут в себя и разберутся во всем, и тогда он поймет, что совершил ужасную ошибку (и с ней, и с Миссисипи) и бросится обратно в Нью-Йорк. Им суждено быть вместе, это каждый подтвердит. Это лишь вопрос времени.

Вот только Алекс не позвонил. Ни во время двухдневной дороги на автомобиле, ни когда устроился в съемном коттедже, потому что в том городишке не было многоэтажек. Сначала Энди находила этому различные объяснения, повторяя про себя: «Он устал с дороги», «Он горько раскаивается, что круто изменил свою жизнь» и свое излюбленное – «В Миссисипи не берет мобильный». Но прошло три дня, потом неделя, а Энди не дождалась даже имейла, и вот тогда, как удар, обрушилось мучительное осознание: Алекс ушел по-настоящему, уехал в голубые дали и не вернется. Энди плакала каждое утро под душем, каждый вечер перед телевизором и иногда днем – просто потому, что была возможность. Она писала статьи для «И жили они долго и счастливо», набиравшего популярность свадебного блога, куда ее взяли фрилансером, но легче не становилось. Как придумывать идеальный свадебный протокол или необычные способы провести медовый месяц, если собственный бойфренд считает ее слишком отвратительной, чтобы хотя бы позвонить?

– Бывший бойфренд, – ответила Лили на вопрос Энди. Они сидели в доме ее бабушки в Коннектикуте и пили приторный фруктовый чай, который Лили купила у своей маникюрши-корейки.

У Энди приоткрылся рот.

– Ты что сейчас сказала?!

– Я не хочу тебя обидеть, но пора посмотреть в лицо реальности.

– В какое еще лицо, что это значит? Едва месяц прошел!

– Месяц, за который он не позвонил и никак не проявился. Вряд ли так будет всегда, но он явно дает тебе понять... Я не говорю, что я с ним согласна, но ты не должна думать, что...

Энди взяла ее за руку.

– Спасибо, я все поняла.

– Не будь такой. Я знаю, как это тяжело, ведь вы любили друг друга. Но мне кажется, тебе пора начинать строить жизнь дальше.

Энди фыркнула.

- Очередная мудрость с твоих двенадцатиступенчатых семинаров?

Лили отшатнулась, как от удара.

- Я говорю это, потому что ты мне небезразлична, - тихо сказала она.

- Прости, Лил, я не хотела... Ты права. Я знаю, что ты права. Я просто не могу уложить в голове... - Энди сдерживалась изо всех сил, но в горле встал ком, глаза повлажнели. Она всхлипнула.

- Ох, иди сюда, дорогая, - сказала Лили, пододвигаясь к подушке, на которой на полу сидела Энди.

Оказавшись в дружеских объятиях, Энди вдруг подумала, что ее уже много недель никто не обнимал. Ей было хорошо. Стыдно, но хорошо.

- Это же типично мужское поведение - взять передышку, пожить отдельно. Он вернется.

Энди вытерла слезы и через силу улыбнулась.

- Я знаю, - кивнула она.

Обе они знали, что Алекс вовсе не типичный мачо и нет никаких оснований утверждать, что он вернется, скоро или вообще.

- Пора тебе завести интрижку.

- Интрижку? По-моему, чтобы изменять, надо вообще-то иметь постоянные отношения.

- Ну, мужика, если угодно. Тебе напомнить, сколько времени у тебя уже не было секса ни с кем, кроме Алекса? Я могу.

- Вряд ли это действительно...

- До Алекса это было на втором курсе. Со Скоттом, фамилию уже не помню. У него еще верхняя челюсть вперед выступала. Вы кувыркались всю ночь в ванной общежития, когда меня рвало, помнишь?

Энди схватилась за голову.

- О-о, перестань!

- А потом он подписал тебе открытку с надписью «Прошлой ночью» снаружи и «Ты потрясла мой мир» внутри, и ты сочла это самым милым романтическим жестом, на который способен мужчина!

- Пожалуйста, ну я тебя прошу!

- Ты с ним спала четыре месяца! Ты не обращала внимания на его пластмассовые шлепанцы, на отказ стирать свои шмотки самостоятельно, на открытки «Просто так», которыми он тебя заваливал. Ты доказала свое умение надевать шоры, когда дело касается мужчин. Ну и сделай это опять!

- Лили...

- Или не делай. Ты сейчас готова сделать шаг вперед, остается захотеть. Два слова: Кристиан Коллинсворт. Разве он время от времени не проявляется?

- Да, но я его интересую лишь потому, что у меня есть... был постоянный бойфренд. Как только он узнает, что я свободна, сразу сбежит.

- Если под «свободна» ты имеешь в виду «готова для новых отношений», тогда ты, пожалуй, права. Но если ты говоришь про «готова к сексу без обязательств, исключительно для наслаждения», он еще как не откажется!

- Слушай, а не съездить ли нам куда-нибудь? - Желая сменить тему, Энди просматривала почту на блэкберри. - Вот, «Трэвелз» предлагает четыре дня и три ночи на Ямайке, в стоимость входят перелет, гостиница и полный пансион. Триста девяносто девять зеленых на праздничные выходные, в день

президентов. Неплохо!

Лили промолчала.

– Давай, будет весело. Будем загорать, пить «Маргариту» – ну, не ты, а я! Может, познакомимся с кем-нибудь. Я устала от зимы, мы заслужили отдых!

Энди почувствовала неладное, когда Лили снова не ответила, разглядывая ковер.

– Бери свои книги. Будешь читать на пляже. Нам сейчас необходимо развеяться!

– Я переезжаю, – сказала Лили почти шепотом.

– Что?

– Переезжаю.

– На другую квартиру? Нашла что-нибудь? Я думала, ты собираешься закончить учебный год, раз у тебя занятия только два раза в неделю, и начнешь искать жилье летом.

– Я переезжаю в Колорадо.

Онемев, Энди уставилась на подругу. Лили отломала крошечный уголок рогалика с корицей, но оставила его на тарелке. Они молчали почти минуту, которая показалась Энди часом.

Наконец Лили глубоко вздохнула.

– Мне правда очень нужны перемены. Пьянство, авария, месяц в реабилитационной клинике... Нью-Йорк у меня ассоциируется со стольким... С таким негативом... Я даже бабушке еще не говорила.

– В Колорадо? – У Энди на языке вертелось сто вопросов, но от шока она не смогла произнести ничего другого.

– Колорадский университет в Боулдере очень облегчил мне перевод зачетных баллов. Мне дают полную стипендию за преподавание всего в одной группе выпускного курса в течение семестра. Там свежий воздух, прекрасная программа, никто обо мне ничего не знает... – Лили подняла глаза, полные слез. – Но там нет тебя; и поэтому я грущу. Я буду страшно по тебе скучать.

Начались всхлипывания. Девушки плакали, обнявшись и размазывая тушь по щекам. В голове не укладывалось, что скоро между ними будет целая страна. Энди пыталась поддержать подругу, засыпав ее вопросами и внимательно выслушивая ответы, но думать могла только об очевидном: через несколько недель она останется в Нью-Йорке одна. Ни Алекса, ни Лили... ни жизни.

Через несколько дней после отъезда Лили Энди вернулась в родительский дом в Эйвоне. Она доедала третью порцию маминого пюре с маслом и жирной сметаной, пила второй бокал пино и уже подумывала расстегнуть пуговицу на джинсах, когда сидевшая напротив мать взяла Энди за руку и объявила, что они с отцом разводятся.

– Мы очень любим тебя и Джил. Разумеется, вы тут ни при чем, – медленно говорила миссис Сакс, тщательно подбирая слова.

– Роберта, Энди не ребенок и, безусловно, не считает себя причиной нашего развода, – сказал отец резче, чем обычно. Про себя Энди вынуждена была признать, что так повелось уже довольно давно.

– Решение абсолютно взаимное и любовное. Никто из нас... не встречается ни с кем другим. Мы просто... отдалились друг от друга за столько лет.

– У нас разные жизненные цели, – зачем-то сказал отец.

Энди кивнула.

– Ты ничего не скажешь? – Лоб миссис Сакс пошел морщинами от родительской заботы.

– А что тут говорить? – Энди допила вино. – Джил уже знает?

Отец кивнул. Миссис Сакс кашлянула.

– Может, у тебя... есть какие-нибудь... вопросы... или что-то? – забеспокоилась она. Быстрый взгляд на отца подтвердил, что он готов переключиться в режим психиатра и начать расспрашивать дочь о ее чувствах, сопровождая диалог несносными комментариями вроде «все, что ты сейчас чувствуешь, вполне понятно» и «я знаю, потребуется время, чтобы к этому привыкнуть». Для этого у Энди не было настроения.

Она пожала плечами.

– Слушайте, это ваше дело. Раз вас все устраивает, я-то тут при чем? – Она вытерла рот салфеткой, поблагодарила мать за ужин и вышла из кухни. Конечно, это был скорее подростковый бунт, но у Энди просто сдали нервы. Сознывая, что никоим образом не причастна к краху родительского брака с тридцатичетырехлетним стажем, она думала только об одном: сперва Алекс, потом Лили, а теперь еще и это. Уже чересчур для одного человека.

Затяжной серфинг в Интернете, интервью и написание статей для «И жили они долго и счастливо» в целом помогали отвлечься от проблем, но Энди не знала, чем заполнить бесконечные часы между окончанием работы и отходом ко сну. Пару раз она пила коктейли со своим редактором, тигрицей в юбке, которая в основном смотрела мимо Энди на молоденьких старшекурсников, толпившихся в барах в часы скидок, изредка обедала со знакомым по фамилии Браун или с университетской приятельницей, приехавшей в Нью-Йорк по делам, но в основном Энди была одна. Алекс словно исчез с лица земли: ни разу не позвонил и только единственный раз прислал короткое письмо «Спасибо, что помнишь, надеюсь, у тебя все хорошо» в ответ на длинный, эмоциональный и, оглядываясь назад, унижительный панегирик, который Энди наговорила ему на автоответчик в день рождения (Алексу исполнялось двадцать четыре). Лили вполне освоилась в Боулдере и только и щебетала, что о своей новой квартире, новом офисе и какой-то йоге, на которую она с удовольствием ходит. Самое обидное, она даже не притворялась грустной. Родители официально развелись, договорившись, что дом достанется миссис Сакс, а отец переедет в новую квартиру в кондоминиуме поближе к городу. После подписания бумаг они отправились к психотерапевту – на этот раз по отдельности – «примириться» с решением.

Зима в тот год выдалась долгой и суровой. Долгая, суровая, одинокая зима... И Энди сделала то, что рано или поздно делает любая молодая жительница Нью-

Йорка, еще не прожившая здесь десяти лет: записалась на кулинарные курсы «Как кипятить воду».

Это казалось полезным и правильным, учитывая, что в духовке у Энди хранились каталоги и журналы. Единственное, что она умела, – это сварить кофе или открыть банку арахисового масла, а заказывать готовую еду на дом, притом что приходилось экономить, было накладно. Это можно было назвать удачной идеей, не будь у Нью-Йорка привычки становиться самым маленьким в мире городом именно в те моменты, когда вам хочется анонимности: в самый первый день занятий в учебной кухне напротив Энди с видом в высшей степени деловым и внушающим робость восседала не кто иная, как старшая секретарша из «Подiums» Эмили Чарлтон.

Надо же было наткнуться на единственного врага среди восьми миллионов жителей Нью-Йорка! Энди отчаянно желала иметь при себе бейсболку или темные очки – любую защиту от смертельно ядовитого взгляда, до сих пор преследовавшего ее в ночных кошмарах. Может, ей уйти? Отказаться? Прийти в другой раз? Пока Энди взвешивала варианты, инструктор зачитал список участниц. Услышав фамилию «Сакс», Эмили вздрогнула, но тут же овладела собой. Девушки избегали переглядываться и, словно сговорившись, не узнавали друг друга. На второе занятие Эмили не пришла, и Энди начала надеяться, что та бросила курс кулинарии; третье из-за работы пропустила сама Энди. Они с неудовольствием встретились на четвертом занятии, но благодаря какому-то неощутимому сдвигу в отношениях не смогли проигнорировать друг друга и обменялись ледяными кивками. К концу пятого занятия Энди едва различимо пробурчала «привет» куда-то в сторону Эмили, и та промычала в ответ что-то похожее. Оставалось последнее занятие. Логично было предположить, что они так и доучатся до конца, обмениваясь исключительно утробными звуками. Энди уже вздохнула с облегчением, но случилось невообразимое: прочитав список ингредиентов для ужина-задания, инструктор назначил двух заклятых врагинь «кухонными напарницами», сделав Эмили ответственной за нарезку, а Энди – за пассеровку. Взгляды девушек впервые встретились, и каждая поспешно отвела глаза. Энди поняла: Эмили боится не меньше ее.

Они молча встали плечом к плечу, и когда мелко резавшая цукини Эмили вошла в ритм, Энди заставила себя спросить:

– Ну как дела?

– Дела? Прекрасно! – Эмили по-прежнему умела дать понять, что считает всякое сказанное Энди слово до крайности неуместным. Было почти приятно осознать, что ничего не изменилось. Энди видела, что Эмили не хочется спрашивать и ответ ее не интересует, но она все же бросила: – А у тебя?

– У меня? Прекрасно, все замечательно. Не верится, что уже год прошел, правда?

Пауза.

– Ты помнишь Алекса? Переехал в Миссисипи, работает учителем. – Энди по-прежнему не могла признать, что Алекс ее бросил. Надо было замолчать, но тут Энди понесло: – А помнишь Лили, мою подругу, которая всегда заходила в офис поздно вечером, когда уезжала Миранда? Ну, она еще в аварию попала, когда я была в Париже? Тоже переехала! В Боулдер. За каких-то полгода увлеклась йогой и альпинизмом. Никак от нее не ожидала. А я пишу в свадебном блоге «И жили они долго и счастливо», слышала о таком?

Эмили улыбнулась – без злорадства, но и не искренне.

– А этот блог, случайно, не филиал «Нью-Йоркера»? Потому что я помню много разговоров о том, чтобы для них писать...

Энди залилась жаркой волной румянца. Какой наивной она была, молодой и глупой! Два года без работы, десятки интервью и статей, которые никто не хотел печатать, обзвон редакторов в попытке навязать тему для очерка избавили ее от иллюзий: в Нью-Йорке публиковаться хоть где-то и писать о чем угодно – уже большое достижение.

– Это было очень глупо с моей стороны, – тихо сказала Энди, украдкой поглядев на ботфорты Эмили и мотоциклетную куртку из мягкой кожи. – А ты сейчас где? По-прежнему в «Подиуме»?

Она спросила просто из вежливости, не сомневаясь, что Эмили повисили до какой-нибудь гламурной синекуры, где она и останется, пока не выйдет за миллиардера или не помрет от старости, смотря что случится раньше.

Эмили с удвоенной энергией принялась резать цукини. Энди даже испугалась, не отхватила бы та себе кончик пальца.

- Нет.

Напряжение стало ощутимым, когда Энди взяла у Эмили кабачковую соломку и посыпала ее измельченным чесноком, солью и перцем, прежде чем вывалить в кипящее на сковороде оливковое масло, которое немедленно принялось брызгаться.

- Убавьте огонь! – велел инструктор со своего высокого стула посередине кухни. – Мы кабачки тушим, а не разводим праздничный костер!

Эмили уменьшила пламя и вытаращила глаза, и это едва заметное мимическое движение мгновенно перенесло Энди в секретарскую «Подиума», где Эмили тоже по десять раз на дню тарачила глаза, глядевшие тогда чуть веселее. Миранда звучно оглашала свое очередное требование добыть ей молочный коктейль, или новый грузовой фургон, или сумку из кожи питона, или педиатра, или билет на рейс в Доминиканскую Республику; Энди металась, пытаясь понять суть приказа начальницы; а Эмили закатывала глаза и шумно вздыхала при виде такой некомпетентности. И всякий раз это повторялось.

- Эм, слушай, я... – Энди замолчала, когда Эмили резко вскинула голову и уставилась на нее.

- Меня зовут Эмили, – с нажимом сказала она.

- Извини. Эмили, конечно. Как я могла забыть? Миранда меня так целый год называла.

Удивительно, но у Эмили вырвался смешок, и Энди показалось, что она уловила мелькнувшую улыбку.

- Да уж. Было дело.

- Эмили, я... – Не зная, как продолжать, Энди помешала цукини, хотя инструктор распорядился «дать овощам постоять и подрумяниться, не беспокоя слишком

часто». – Я понимаю, прошло много времени с, э-э, того момента, но мне не дает покоя то, как мы расстались.

– Ты имеешь в виду, как ты увела у меня мечту всей жизни – поездку в Париж, притом что я работала в «Подииуме» дольше и лучше, чем ты вообще в состоянии, после чего у тебя хватило наглости все бросить и уехать в середине командировки? Не подумав, как это может испортить настроение Миранде или сколько у меня уйдет времени, чтобы найти и обучить нового человека – почти три недели, кстати! – то есть все это время я оставалась у нее на побегушках круглые сутки без выходных? – Эмили не сводила взгляд с цукини. – Ты не позвонила, даже письма не написала, чтобы попрощаться, поблагодарить за помощь или послать ко всем чертям. Вот как мы расстались.

Энди во все глаза смотрела на свою кулинарную напарницу. Неужели Эмили действительно это задело? Она не поверила бы, не убедившись лично, но Эмили, похоже, была искренне обижена, что Энди никак не проявилась после своего ухода.

– Слушай, прости меня. Я думала, тебе меньше всего захочется со мной общаться. Я не скрывала, что не в восторге от работы у Миранды, но теперь я понимаю, что и тебе приходилось нелегко, а я, пожалуй, могла вести себя менее строптиво.

Эмили снова фыркнула.

– Строптиво? Ты вела себя, как первостатейная стерва!

Энди глубоко вдохнула через нос и выдохнула через рот. Она хотела высказать Эмили все начистоту, обозвать ее подлизой, коей та и являлась, и послать подальше «Подииум» вкупе со всем персоналом раз и навсегда. Один разговор об этом жутком заведении мгновенно воскресил в памяти все старые обиды и тревоги: бессонные ночи, бесконечные безапелляционные «просьбы», неумолкающий телефон, постоянные унижения, оскорбления и замечания, полные скрытой агрессии. Каждое утро Энди чувствовала себя толстой, глупой и ни на что не годной и каждый вечер оказывалась вымотанной и подавленной.

Но какой был смысл затевать ссору сейчас? Через полтора часа закончится последнее занятие, Энди уйдет, взяв пинту «Тейсти ди-лайта» по пути домой, и

никогда больше не увидит противную бывшую сослуживицу.

– Все, цукини готовы. Дальше что? – спросила она, передвигая сковородку с кабачками на дальнюю конфорку и наливая оливковое масло в чистую.

Эмили высыпала туда две пригоршни разрезанных на половинки соцветий брюссельской капусты и вылила смесь дижонской горчицы, вина и уксуса.

– Она меня уволила, чтобы ты знала.

Деревянная ложка выпала из пальцев Энди на пол.

– Что?!

– Уволила. Месяца через четыре после твоего ухода. Я как раз закончила натаскивать четвертую новую девушку, время было около восьми утра, самый обычный день, и тут она танцующей походкой входит в офис, едва достаивает меня взгляда и говорит, что с завтрашнего дня я могу не приходить.

Энди никак не могла удержать нижнюю челюсть, которая все время отвисала.

– Ты что, серьезно? И у тебя нет догадок почему?

Рука Эмили едва заметно дрожала, когда она помешивала капусту.

– Ни малейших. Я работала у нее почти три года, я выучила этот чертов французский, чтобы заниматься с Каролиной и Кэссиди, и вдруг она выбрасывает меня, как мусор! Мне считанные недели оставались до обещанного повышения, я метила в младшие редакторы отдела моды, и вдруг – бац! И я на улице! Ни объяснений, ни извинений, ни спасибо.

– Мне очень жаль, это просто ужасно...

Эмили приподняла левую руку:

– Да ладно, все это случилось в прошлом году. Я уже пережила, пусть и не до конца. Проснувшись утром, я молю Бога, чтобы ее сбил автобус, и после этого более-менее могу продолжать свой день.

Не появившись на лице Эмили выражение боли, Энди бы порадовалась. Сколько раз она недоумевала, почему Эмили будто не замечает, как Миранда унижает и терроризирует всех, кто на нее работает? Сколько раз Энди мечтала, чтобы в офисе у нее была подруга? Насколько более сносной была бы жизнь, будь у нее сообщница, которая могла бы посочувствовать! Никто не выкладывался на работе и не старался больше Эмили, однако Миранда изменила своему слову, забыв о данных обещаниях. Это было в высшей степени несправедливо.

Энди вытерла руки о фартук.

– А я однажды написала ее некролог. Как думаешь, я с катушек съехала?

Эмили положила щипцы и уставилась на Энди. Впервые за занятие они некоторое время смотрели друг другу в глаза.

– Что-что ты сделала?

– Ну, просто в качестве тренировки. Признаться, я лишь вскользь коснулась ее достижений. Некролог возымел удивительный эффект – с плеч как гора свалилась. Так что не только ты надеешься, что она встретит безвременную смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Сорт розового канадского картофеля, отличающийся восхитительным ароматом и вкусом. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Подсластитель на основе сахара.

3

Сожаление после совершения покупки по минутному капризу.

4

Марка бутилированной воды.

5

Американская некоммерческая организация, приглашающая выпускников университетов или профессиональных преподавателей поработать минимум два года в бедных районах США.

Купити: https://tn.knigapoisk.com/vaysberger_loren/mest-nosit-prada

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)